

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

	Стр.
I. — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843 ГОДУ, переводъ съ нѣмецкаго. В. Наумова	5 ✓
II. — РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ (окончаніе). Г. Плеханова	30 ✓
III. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	81
IV. — ЗА БАЙКАЛОМЪ (разсказъ). Вл. Дебагорія-Мокрѣевича	109 ✓
V. — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (ст. четвертая и послѣдняя). Г. Плеханова	144 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

VI. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ (окончаніе). П. Аксельрода	3
VII. — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ПО ДѢЛУ С. ГИНСБУРГЪ.	46 ✓
VIII. — ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ. Г. Плеханова	65 ✓
IX. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ	102 ✓
X. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. Г. П	125
XI. — ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ	131
XII. — ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ (некрологъ)	133
XIII. — СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища	134
XIV. — ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища.	135
XV. — ШПИОНСКІЯ ЗАБАВЫ. Г. Плеханова	137
XVI. — О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦ.-ДЕМОКРАТА“.	139
XVII. — СПИСОКЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	140

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

(Статья четвертая и послѣдняя.)

Заканчивая предыдущую статью, мы сказали, что намъ остается лишь разобрать ученіе Чернышевскаго о кризисахъ и о народонаселеніи, чтобы покончить съ важнѣйшими его экономическими взглядами. Читатель понимаетъ, почему мы отнесли къ одному мѣсту разсмотрѣніе этихъ двухъ вопросовъ. Онъ увидитъ также, почему мы начинаемъ съ вопроса о народонаселеніи.

I

Вопросъ о народонаселеніи тѣсно связанъ съ именемъ Мальтуса. Люди, мало знакомые съ исторіей политической экономіи, обыкновенно полагаютъ даже, что Мальтусъ былъ первымъ, выдвинувшимъ его въ наукѣ. Это большая ошибка. О народонаселеніи писали гораздо раньше Мальтуса и — что всего важнѣе — писали гораздо основательнѣе его. Совсѣмъ не задаваясь цѣлью исчерпать здѣсь всю существовавшую до Мальтуса литературу этого предмета, припомнимъ, какъ смотрѣли на него нѣкоторые писатели XVIII-го вѣка.

Франклинъ въ небольшой статьѣ „Observations concerning the Increase of Mankind“*) и т. д. говоритъ, что какъ растенія, такъ и животныя, не исключая человѣка, способны размножаться съ поразительной быстротой, и что если бы земля „была свободна отъ другихъ обитателей, она въ короткое время могла бы быть совершенно заселена однимъ какимъ нибудь народомъ, на примѣръ англичанами.“ Размноженіе рода человѣческаго задерживается, цѣлымъ рядомъ препятствій, на примѣръ, дурнымъ управленіемъ, войнами и, въ особенности, недостаткомъ средствъ существованія. Задача правительства заключается въ томъ, чтобы обезпечить народу эти средства, потому что быстрый ростъ населенія означаетъ быстрый ростъ національнаго могущества и богатства. По мнѣнію Франклина, бѣлое насе-

---

*) Works, T II, p.p. 384 — 391.

леніе Сѣверной Америки удваивалось каждыя 20 лѣтъ. Но для примѣра онъ предполагаетъ, что періодъ удвоенія равняется „только 25 годамъ“, и затѣмъ показываетъ, въ какую могучую націю могъ бы превратиться какой нибудь миллионъ англичанъ, переселившихся въ Америку. „Какое увеличеніе силы Британской имперіи на морѣ и на сушѣ! — съ восторгомъ восклицаетъ онъ. Какой ростъ промышленности и судоходства! Какое множество кораблей и моряковъ!“

Подобно американцу Франклину, англичанинъ Уоллэсъ задался цѣлью показать, что человѣческій родъ можетъ размножаться чрезвычайно быстро, если только этому не мѣшаютъ неблагоприятныя условія, къ числу которыхъ и онъ относитъ прежде всего недостатокъ средствъ существованія. „Въ любой странѣ вы всегда найдете, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, она населена тѣмъ больше, чѣмъ больше количество производимой ею пищи, поскольку изобиліе пищи служитъ для народныхъ массъ поощреніемъ къ браку.“ Уоллэсъ держится того мнѣнія, что въ древнемъ мірѣ населеніе было значительно гуще современнаго. „Было бы очень желательно, замѣчаетъ онъ, чтобы внимательнѣе отнеслись къ великому недостатку населенія во всѣхъ странахъ, и чтобы постарались выработать надлежащія планы для улучшенія этого положенія, такъ какъ благодѣтельный Творецъ природы предназначилъ землю главнымъ образомъ служить обиталищемъ человѣку, и такъ какъ, при подходящемъ воздѣлываніи, она могла бы кормить число людей, значительно превышающее то, которое населяетъ ее теперь.“ *)

Юмъ высказываетъ совершенно тѣ же взгляды относительно способности людей къ размноженію. Человѣческій родъ могъ бы болѣе чѣмъ удваивать свою численность съ каждымъ поколѣніемъ, если бы не препятствія (some difficulties in mens situation), вынуждающія людей сдерживать свое стремленіе къ дѣторожденію. Мудрое правительство обязано заботливо наблюдать и устранять эти препятствія (difficulties... which it belongs to a wise legislature carefully to observe and remove). **) Мимоходомъ Юмъ дѣлаетъ рядъ замѣчаній (напримѣръ о способности рабовъ къ размноженію, о дѣтубійствѣ), которыя потомъ воспроизводитъ Мальтусъ, не называя источника.

Извѣстный Мирабо-отецъ считаетъ старой аксіомой ту мысль, что „люди плодятся какъ крысы въ хлѣбномъ амбарѣ, если у нихъ есть средства существованія.“ Мѣра этихъ средствъ служитъ мѣрой населенія. Но именно поэтому не войны и не эпидеміи препятствуютъ увеличенію народонаселенія (причиняемыя ими потери чрезвычайно легко пополняются), а роскошь, истребляющая средства существованія: „Заведите лишнюю лошадь въ странѣ, и вы можете быть увѣрены, что вы убьете тѣмъ по крайней мѣрѣ четырехъ человѣкъ.“ Мирабо далекъ отъ того, чтобы видѣть источникъ бѣдно-

*) „Essai sur la différence du nombre des hommes dans les temps anciens et modernes“, trad. par de Joncourt, Londres M. DCC. LIV, pp. 27 et 272.

**) Of the populousness of Ancient Nations, in „Essays and treatises“, London MDCCCLIV, vol. IV, p. 139.

сти страны въ увеличеніи ея населенія: „дайте людей странѣ; если у нихъ нѣтъ денегъ, они привлекутъ ихъ.“ *)

Монтескье понимаетъ, что между размноженіемъ растений и животныхъ съ одной стороны и размноженіемъ людей — съ другой есть огромная разница. „Самки животныхъ, говоритъ онъ, отличаются почти неизмѣнною плодовитостію. Но въ человѣческомъ родѣ взгляды, характеръ, страсти, фантазіи, капризы, желаніе сохранить красоту, неудобства беременности и слишкомъ многочисленнаго семейства нарушаютъ размноженіе на тысячу ладовъ.“ **) Это совершенно вѣрная мысль. Но Монтескье не умѣлъ свести къ одной коренной причинѣ тѣ многочисленныя условія, которыя „на тысячу ладовъ нарушаютъ размноженіе“ рода человѣческаго. Въ этомъ случаѣ онъ остался вѣренъ своему обычному характеру мышленія. Онъ вообще не умѣлъ подняться отъ понятія о взаимодѣйствіи социальныхъ явленій до понятія объ ихъ общей основѣ, какъ это лучше всего видно изъ его книги о Римѣ.

Сэръ Джэмсъ Стэартъ въ своемъ, вышедшемъ въ 1767 г. „Inquiry into the principles of political economy“ высказываетъ болѣе глубокий взглядъ на народонаселеніе. Онъ понимаетъ, что существуетъ тѣсная связь между экономіей страны и ея населенностью†). Онъ различаетъ физическую невозможность прокормленія данной страной даннаго числа людей отъ моральной невозможности, обусловливаемой общественными отношеніями. Съ измѣненіями этихъ отношеній передвигается тотъ предѣлъ, по наступленіи котораго страна оказывается перенаселенной въ „моральномъ“ смыслѣ этого слова. Эти мысли Стэарта были далѣе развиты швейцарцемъ Герреншвандомъ, замѣчательное сочиненіе котораго††) вышло въ Парижѣ за нѣсколько лѣтъ до появленія перваго изданія „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

---

*) L'ami des hommes ou traité de la population. Nouvelle édition, Paris 1758, première partie. pp. 20—21—22, 191.

**) L'esprit des lois, II. XXIII, ch. I.

†) Замѣчательна самая постановка вопроса у Стэарта. „Мы увидимъ, говоритъ онъ, какимъ образомъ законы промышленности вліяютъ на размноженіе и на земледѣліе“ (Кн. I, гл. II, стр. 29 французскаго перевода 1789 года). Стэартъ не считаетъ возможнымъ разсматривать вопросъ о народонаселеніи съ отвлеченной точки зрѣнія: „Я нахожу, что общія пропорціи всегда ошибочны“ — говоритъ онъ. „Въ сущности нѣтъ страны совершенно населенной, если подъ этимъ понимать число ея жителей, разсматриваемое независимо отъ потребленія ими произведеній страны“... „У свободнаго народа (Стэартъ имѣетъ въ виду народъ, живущій при буржуазныхъ условіяхъ производства) земледѣліе увеличиваетъ населеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой бѣдные получаютъ возможность покупать свою пищу своимъ трудомъ“ (стр. 50). У Стэарта идетъ рѣчь даже о чемъ-то въ родѣ экономическаго подбора, существенно отличнаго отъ подбора естественнаго, о которомъ говорилъ впоследствии Дарвинъ. Законъ экономическаго подбора устанавливается Стэартомъ неправильно: размноженіе привилегированныхъ онъ считаетъ прямо пропорціональнымъ ихъ средствамъ существованія. Это достаточно опровергается хотя бы примѣромъ современной Франціи (ср. Ar. Dumont, Dépopulation et civilisation). Тѣмъ не менѣе Дарвину было бы гораздо полезнѣе прочесть Стэарта, чѣмъ Мальтуса.

††) De l'économie politique moderne. Discours fondamental sur la population. A Paris, l'an III de la République.

Указавъ на то, что предѣлы для размноженія рода человѣческаго бывають двухъ родовъ: физическіе и моральныя, Герреншвандъ раздѣляетъ человѣчество по способамъ производства — или по способамъ ассоціаціи, какъ выражается онъ, — на три „класса“, которые отличаются одинъ отъ другого почти какъ „отдѣльные роды“: 1) охотники, 2) пастухи и 3) земледѣльцы. „Земледѣльческіе народы имѣютъ способность заставлятъ родиться свою пищу, такъ сказать, вездѣ, куда они являютя, и кромѣ того эта пища можетъ быть переносима на огромныя разстоянія; это даетъ имъ то преимущество, что они могутъ скоплятъ населеніе въ такихъ мѣстахъ и, можно сказать, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ имъ вздумается. Такое положеніе земледѣльческихъ народовъ, совершенно противоположное положенію двухъ другихъ отдѣловъ рода человѣческаго, даетъ имъ возможность держаться различныхъ системъ въ образѣ жизни и въ способѣ удовлетворенія своихъ нуждъ; а это различіе системъ, уничтожая у нихъ однообразіе, царствующее у охотниковъ и пастуховъ, дѣлаетъ изъ нихъ какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Земледѣліе вообще до такой степени видоизмѣняетъ растенія, животныхъ и людей сравнительно съ ихъ первоначальнымъ состояніемъ, что „природѣ трудно было бы узнать себя въ своихъ твореніяхъ.“*) Въ виду того, что различные земледѣльческіе народы придерживаются различныхъ системъ въ способахъ удовлетворенія своихъ нуждъ (т. е. различныхъ способовъ производства), они подчиняются различнымъ законамъ народонаселенія.**)

Да и въ средѣ одного и того же народа законы народонаселенія неодинаковы для различныхъ классовъ, на примѣръ, для рабовъ и для свободныхъ людей. Современную ему буржуазную систему Герреншвандъ называетъ системой земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, и считаетъ ее „самой смѣлой системой, какую только могъ придумать человѣческій родъ для обезпеченія своего существованія.“ Во всѣхъ другихъ системахъ „всѣмъ людямъ обезпечено прочное существованіе; но въ системѣ земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, половина націи оказывается въ самомъ необезпеченномъ положеніи... безъ опредѣленныхъ средствъ существованія, безъ увѣренности въ возможности пріобрѣсти ихъ посредствомъ труда, имѣя хлѣбъ сегодня, а завтра умирая съ голоду“.) Судьба этой части націи зависитъ отъ колебаній всемірнаго рынка. „Когда внѣшняя торговля уменьшается постепенно или внезапно прекращается для какой нибудь вѣтви промышленности, тогда люди, занимающіеся ею, постепенно приходятъ или вдругъ попадаютъ въ такое положеніе, что имъ остается только искать помощи у правительства. И если у правительства нѣтъ ни способности, ни желанія найти для нихъ новыхъ потребителей ихъ издѣлій, — они непремѣн-

*) Назв. соч. стр. 16 и 286.

**) Вообще, по мнѣнію Герреншванда, способъ удовлетворенія нуждъ, система экономическихъ отношеній, оказываетъ глубокое вліяніе на всѣ привычки и склонности народа. Такъ, причину воинственности древнихъ римлянъ онъ видитъ въ системѣ мелкаго землевладѣнія (стр. 23).

†) Назв. соч. стр. 41.

но должны или покинуть свою страну, чтобы искать себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ, или просить подаанія, или погибнуть отъ нищеты, потому что тогда земледѣльцы перестанутъ производить предназначавшуюся для нихъ пищу или будутъ вывозить ее за границу.“ *) Классическая страна капитализма, Англія, поражала Герреншванда огромнымъ количествомъ не имѣющихъ работы „бѣдняковъ и бродягъ.“ Онъ говоритъ, что увеличенія ихъ числа нельзя объяснить ни лѣнностью англійскаго народа, ни дѣйствиємъ нелѣпныхъ законовъ о бѣдныхъ, ни („еще того менѣе“) излишнимъ размноженіемъ, такъ какъ Англія далеко не достигла той цифры населенія, которую она способна прокормить. Онъ высказываетъ даже то предположеніе, что пауперизмомъ Англія обязана развитію машиннаго производства.**) Какъ бы тамъ ни было, главнымъ виновника такого положенія дѣлъ онъ долженъ былъ видѣть въ англійскомъ правительствѣ. Правительство обнаруживаетъ, по его словамъ, свою несостоятельность всякій разъ, когда данный народъ не производитъ всей той пищи, которую онъ могъ бы добыть, и всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ могла бы содержать его территорія. А въ такомъ положеніи находилась, по его словамъ, вся тогдашняя Европа, земледѣліе которой не производило и „половины того, что могло бы производить.“ ***)

Довольно. Подведемъ итогъ всему, что сказали намъ о народонаселеніи цитированные нами писатели. Многочисленное населеніе является источникомъ могущества и богатства страны. Мѣрой населенія служатъ средства существованія; поэтому „правительство“ не исполняетъ своей прямой обязанности, если не заботится объ ихъ увеличеніи. Количество пищи, добываемой въ каждой данной странѣ, зависитъ не только отъ ея плодородія и производительныхъ силъ, находящихся въ ея распоряженіи, но также и отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ эти силы употребляются въ дѣло. Современные общественныя отношенія — самыя смѣлыя изъ всѣхъ возможныхъ, по выраженію Герреншванда — ставятъ значительную часть народа въ совершенно небезопасное положеніе, благодаря которому ей постоянно грозитъ голодная смерть, не смотря на то, что земледѣліе могло бы прокормить гораздо большее населеніе. Развитіе машиннаго производства, то есть увеличеніе производительныхъ силъ, можетъ, при современномъ порядкѣ вещей, быть причиною обѣдненія рабочаго класса. Наконецъ, для каждой системы общественныхъ отношеній и даже для каждого общественнаго класса существуетъ свой особый законъ народонаселенія и перенаселенія. Только растенія и животныя отличаются почти неизмѣнною плодovitостью.

Изъ всего этого слѣдуетъ такой выводъ: Хотя писатели восемнадцатаго вѣка склонны были разсматривать общественную жизнь съ очень, очень отвлеченной точки зрѣнія, но и они, съ большею

*) Тамъ же, стр. 60 — 61.

**) Тамъ же, стр. 69 — 70 и 246 — 247.

***) Тамъ же, стр. 284 и 98.

или меньшею ясностью, понимали уже, что вопросъ о народонаселеніи есть но преимуществу историческій вопросъ, и что нѣтъ одного, общаго для всего человѣчества, закона народонаселенія, а есть законы, свойственные различнымъ ступенямъ человѣческаго развитія.

Такъ обстояло дѣло съ вопросомъ о народонаселеніи, пока о немъ говорили безъ заднихъ мыслей, *sine ira et studio*. Потомъ пришло время, когда о немъ не могли уже говорить спокойно, когда онъ началъ возбуждать полемическія страсти. Почему произошло это, понять не трудно. Съ развитіемъ капитализма неразрывно связано было обѣдненіе народной массы. Положеніе „трудящихся бѣдняковъ„ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, а въ тоже время число ихъ росло съ поразительной быстротою. Въ Англии еще со временъ Елизаветы установленъ былъ, какъ извѣстно, налогъ въ пользу бѣдныхъ, который былъ очень не по вкусу имущимъ классамъ. Налогъ этотъ естественно увеличивался по мѣрѣ увеличенія числа нуждающихся въ общественной помощи. И вотъ явилась мысль показать, что онъ совершенно не достигаетъ цѣли (онъ и дѣйствительно не могъ уничтожить бѣдность) и что лучше всего оставить бѣдняковъ на произволъ судьбы и „естественныхъ законовъ.“ Но это еще не все. Французская революція показала, что съ „трудящимися бѣдняками“ шутить опасно, что они могутъ причинить подчасъ много неприятностей имущимъ классамъ. Надо было постараться удержать бѣдняковъ на стезѣ добродѣтели. Надо было показать имъ, что ошибались люди, приписывавшіе недостатокъ продовольствія дурному политическому или общественному устройству. Надо было доказать, что въ бѣдствіяхъ рабочаго класса виновата природа, а не общественныя отношенія. Обширная литература по вопросу о народонаселеніи могла, при умѣломъ пользованіи ею, доставить очень хорошій матеріалъ для подтвержденія этой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ говорили, что человѣческій родъ способенъ къ чрезвычайно быстрому размноженію, но дурное общественное устройство или плохое управленіе мѣшаютъ ему дойти до тѣхъ предѣловъ, которые допускаются естественнымъ плодородіемъ земли. Попробуемъ разсуждать иначе. Человѣческій родъ стремится размножаться чрезвычайно быстро; средства же существованія далеко не могутъ расти съ такою быстротою. Отсюда бѣдность, отсюда пороки, отсюда всѣ тѣ несчастія, въ которыхъ безпокойные люди обвиняютъ правительства и господствующіе классы. Нищета — плодъ законовъ божескихъ, а не человѣческихъ. Если въ странѣ много бѣдняковъ, то некого винить въ этомъ, кромѣ самихъ бѣдняковъ, которые слѣшкомъ сильно плодятся. Невозможно придумать какія нибудь мѣры для серьезнаго улучшенія ихъ участи. Если бы въ нынѣшнемъ году мы ухитрились изгнать бѣдность изъ нашей страны, то черезъ двадцать пять, двадцать, а то и пятнадцать лѣтъ ея населеніе стало бы вдвое больше, и тогда опять появилась бы нищета и всѣ связанныя съ нею бѣдствія. Участъ бѣдняковъ зависитъ исключительно отъ нихъ са-

михъ. Пусть они перестанутъ размножаться, — бѣдность исчезнетъ мало по малу сама собою.

Такъ поставленъ былъ вопросъ о народонаселеніи въ концѣ XVIII вѣка защитниками интересовъ имущихъ классовъ. „Нелѣпо было бы утверждать — говорить Іосифъ Тоунзэндъ — что въ густо населенной странѣ никто не чувствуетъ нужды; если бы можно было пополнить то, чего недостаетъ нищимъ, то этимъ мы удвоили бы ихъ число и содѣйствовали бы ихъ размноженію до безконечности, что противорѣчило бы имѣвшей въ виду цѣли. Можно было бы, правда, отстранить голодъ и удовлетворить этой потребности въ ущербъ другой (подъ этой другой потребностью Тоунзэндъ понимаетъ потребность физической любви); но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить относительное число людей, вступающихъ въ бракъ, потому что нѣтъ другого средства для ограниченія всего числа жителей. Изъ этого затрудненія не выведетъ никакое усиліе, и люди никогда не найдутъ болѣе естественнаго и лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ средства, какъ предоставить одной потребности ограничивать другую.“¹⁾ Этими послѣдними словами Тоунзэндъ хочетъ сказать, что въ сущности бѣднякамъ надо предоставить выпутываться изъ нужды какъ они хотятъ и какъ умѣютъ. Для него и для подобныхъ ему изслѣдователей все дѣло въ этомъ, будто бы естественномъ выводѣ изъ „естественныхъ“ законовъ.

Для лучшаго уясненія этихъ законовъ Тоунзэндъ приводитъ слѣдующій примѣръ:

„Мореплаватели рассказываютъ объ одномъ островѣ на Великомъ океанѣ, Жуанъ Фернандесъ, названномъ такъ по имени открывшаго его капитана. Послѣдній высадилъ на этотъ островъ козла и козу. Эта счастливая пара, найдя богатая пастбища, безъ затрудненія исполняла первую заповѣдь — плодиться и размножаться, пока не населила весь этотъ маленькій островъ. До той поры животныя не знали ни нужды, ни голода, и какъ бы гордились своею многочисленностью; но, по наступленіи этой несчастной эпохи, они начали испытывать недостатокъ въ пищѣ; такъ какъ они продолжали плодиться, то имѣли бы полное основаніе опасаться всѣхъ ужасовъ голода, если бы только они одарены были разумомъ. При этихъ новыхъ условіяхъ слабѣйшіе изъ нихъ погибли, и прежнее изобиліе водворилось. Такимъ образомъ, животныя испытывали попеременно, то благосостояніе, то бѣдность, смотря по увеличенію или уменьшенію ихъ числа, которое слѣдовало за колебаніями количества ихъ продовольствія. Равновѣсіе это по временамъ нарушалось то повальными болѣзнями, то прибытіемъ какаго нибудь корабля, нуждавшагося въ пищѣ. Въ такихъ случаяхъ погибало огромное количество козъ; но остававшіяся въ живыхъ находили нѣкоторое утѣшеніе въ изобиліи, возстановлявшемся послѣ гибели ихъ товарищей, и въ прекращеніи опасеній голода. Такимъ образомъ все приходило въ порядокъ, и онѣ переставали непріязненно смотрѣть другъ на друга;

---

¹⁾ Voyage en Espagne, переводъ Пиктэ-Малэ, Т. II р. 348.

всѣ имѣли достаточно пищи, всѣ были довольны, всѣ были счастливы. Итакъ, то, что могло бы показаться бѣдствіемъ, дѣлалось для нихъ источникомъ счастья; по крайней мѣрѣ частное зло вызывало всеобщее благо. — Когда испанцы узнали, что англійскіе каперы снабжались на этомъ островѣ продовольствіемъ, они рѣшили совершенно истребить на немъ козъ, и съ этой цѣлью высадили на него пару собакъ, самца и самку. Собаки въ свою очередь тоже размножились въ размѣрахъ найденнаго ими количества пищи; такъ что число козъ, какъ и предвидѣли испанцы, уменьшилось. Если бы онѣ были уничтожены совершенно, то погибли бы и собаки; но такъ какъ многія козы удалились въ горы, куда собаки не могли слѣдовать за ними, и такъ какъ онѣ сходили съ горъ рѣдко, только для отысканія себѣ пищи, то лишь менѣе осторожныя и болѣе дерзкія между ними становились добычей собакъ, а между собаками только самыя сильныя, ловкія и дѣятельныя могли добыть себѣ достаточно пищи. Такъ возникъ новый родъ равновѣсія: слабѣйшія животныя обѣихъ породъ были первыми жертвами новыхъ условій; болѣе дѣятельныя и сильныя уцѣлѣли. Такимъ же образомъ количество продовольствія опредѣляетъ численность и въ человѣческомъ родѣ.,¹⁾

Мы нарочно выписали всю эту, довольно длинную притчу, потому что она содержитъ въ себѣ всю сущность „мальтусіанства.“ Убѣдительною она, какъ видите, не отличается. Тоунзэнду хочется доказать, что численность данной породы опредѣляется количествомъ продовольствія. Но только первая половина притчи не противорѣчитъ этой мысли. Съ той поры, какъ на островъ пустили собакъ, размноженіе козъ перестало обуславливаться количествомъ пищи: собаки не давали имъ размножаться до той степени, которая допускалась природою острова.²⁾ Можно, если угодно, выразиться иначе, можно сказать, что хотя размноженіе козъ и не переставало опредѣляться количествомъ пищи,³⁾ но количество это зависѣло теперь уже не отъ природы острова, а отъ успѣшности собачьихъ нападений на козъ. Если бы козы, терпя недостатокъ продовольствія въ своихъ горахъ, вздумали заняться изслѣдованіемъ вопроса о народонаселеніи, онѣ должны были бы прийти къ тому выводу, что нужда ихъ обуславливается не физическими, а „моральными“ причинами, т. е. не недостаткомъ растительности, а собачьимъ нашествіемъ, мѣшающимъ имъ воспользоваться всей той пищею, которая находится на островѣ. Придя къ такому выводу, козы задумались бы, можетъ быть, о томъ, какъ бы отодвинуть имъ „моральный“ предѣлъ ихъ размноженія, какъ бы лучше защитить имъ себя отъ собакъ. Положимъ, что имъ удалось придумать средство, съ помощью котораго имъ можно было совершенно очистить островъ отъ собакъ. Онѣ въ восторгѣ, а собаки въ отчаяніи: козы выдумки грозятъ имъ совер-

¹⁾ Тамъ же, Т. II, стр. 341—344. Смотри также приложения къ русскому переводу „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

²⁾ Это было замѣчено русскимъ переводчикомъ Мальтуса П. А. Бибиковымъ.

³⁾ Хотя и это не совсѣмъ точно. Кромѣ пищи, размноженіе опредѣлялось навѣрное и другими естественными условіями.

шеннымъ нарушеніемъ всѣхъ „естественныхъ законовъ.“ И вотъ, чтобы образумить безпокойныхъ животныхъ, собаки въ свою очередь пускаются въ изслѣдованія о народонаселеніи. Онѣ доказываютъ, что безбожная затѣя козъ не принесетъ никому никакой пользы. Раздѣлавшись съ собаками, козы очень быстро размножатся, заселятъ весь островъ, и тогда опять почувствуется недостатокъ продовольствія. Въ виду этого гораздо разумнѣе оставить все въ прежнемъ положеніи. Если теперь собаки дѣйствительно ѣдятъ иногда козъ, то это, разумѣется, очень печально, но что же дѣлать? Козамъ суждено страдать на этомъ свѣтѣ. Таковъ законъ природы. Притомъ же козамъ стоитъ только захотѣть, чтобы улучшить свою участь, не прибѣгая къ бесполезнымъ переворотамъ. Имъ надо лишь ограничить свое размноженіе. Чѣмъ меньше будетъ козъ, тѣмъ долговѣчнѣе и сытнѣе окажется всякая коза въ отдѣльности. — Мы не думаемъ, чтобы подобная проповѣдь могла устранить предстоящую революцію. Смѣшно пугать козъ *будущимъ* недостаткомъ продовольствія, когда онѣ страдаютъ отъ него уже *въ настоящее время*. Изгнаніе собакъ принесетъ имъ хоть нѣсколько лѣтъ благосостоянія, и этого уже достаточно, чтобы не отказываться отъ мысли объ изгнаніи.

Политико-экономическіе вопросы рѣшаются не притчами и не баснями. Притчи и басни ровно ничего не доказываютъ. Мы остановились на приводимомъ Тоунзэндомъ примѣрѣ единственно для того, чтобы показать, какой характеръ приняли изслѣдованія о народонаселеніи въ концѣ XVIII-го вѣка. Главною цѣлью ихъ было измышленіе доводовъ, которые помогли бы свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за нищету рабочихъ и убѣдить „бѣдняковъ“ въ томъ, что они терпятъ нужду благодаря только своей собственной непредусмотрительности. Преданіе говоритъ, что Менепій Агриппа успокоилъ взволнованныхъ плебеевъ своей знаменитой басней. Начиная съ конца XVIII в. „опыты“ о народонаселеніи должны были играть роль именно этой басни.

Въ разсужденіяхъ Тоунзэнда, писавшаго еще до французской революціи, уже сквозитъ опасеніе очень серьезныхъ неприяностей со стороны „трудящихся бѣдняковъ.“ Онъ старается показать неудобства общественнаго порядка, основаннаго на „общности имущества.“ Говоря о Леонѣ (въ Испаніи), онъ пускается въ слѣдующія соображенія, которыми потомъ воспользовался Мальтусъ. „Число жителей этой страны должно быть ограничено сообразно ихъ средствамъ существованія. Если бы они установили общность имущества, то должны были бы — или опредѣлять по жребію, кому и кому слѣдуетъ выселяться, или умереть съ голоду. Впрочемъ, во избѣжаніе таковаго исхода, они могли бы постановить съ общаго согласія, что только по два лица въ каждомъ семействѣ могутъ вступать въ бракъ“...*) Этотъ послѣдній яко бы исходъ указывается Тоунзэндомъ не спроста. Общество, ограничивающее „съ общаго согласія“ число лицъ, могущихъ вступать въ бракъ, должно произвести на читателя

---

*) Тамъ же, Т. I, стр. 321.

впечатлѣніе самой ужасной тираніи и вселить въ него благодѣтельное отвращеніе отъ всякой мысли объ общности имуществъ. Но не мѣшаетъ припомнить, въ чемъ видитъ Тоунзэндъ дѣйствительнѣйшее средство борьбы съ нищетою въ современномъ обществѣ. Не въ чемъ иномъ, какъ именно въ ограниченіи числа браковъ и вообще размноженія; таковъ смыслъ его словъ относительно ограниченія одной потребности (физической любви) другою (потребностью въ пищѣ). Но вѣдь ограниченіе числа браковъ есть самая вопіющая тиранія? И да, и нѣтъ! Оно оказывается вопіющей тираніей, когда устанавливается „съ общаго соглашенія“ и распространяется на все общество, вслѣдствіе чего можетъ коснуться самаго „почтеннаго“ человѣка. Иное дѣло, когда ограниченіе „одной потребности“ оказывается необходимымъ лишь для бѣдняковъ, живущихъ подъ вѣчной угрозой голодной смерти и виноватыхъ въ томъ, что ихъ произвели на свѣтъ бѣдные родители. Тогда названное ограниченіе является самой благоразумной и совершенно естественной мѣрой. Буржуазная логика никогда не смущалась подобными противорѣчіями. Но можетъ-ли она быть убѣдительною для пролетаріата?

Взгляды Тоунзэнда цѣликомъ воспроизводятся въ книгѣ Мальтуса, заслуга котораго сводится лишь ко внесенію новой путаницы въ постановку вопроса о народонаселеніи.*)

II

Мальтусъ очень дешево купилъ ученую славу, не дороже, чѣмъ купилъ ее Ж. Б. Сэй. Даже люди, горячо нападавшіе на его ученіе

---

*) Извѣстно, что Марксъ назвалъ Мальтуса плагиаторомъ. Столь рѣзкій отзывъ кажется слишкомъ неприличнымъ всѣмъ „серьезнымъ“ ученымъ. Съ нимъ трудно было помириться даже Ф. А. Ланге. Нечего и говорить о людяхъ еще болѣе „почтенныхъ.“ Такъ, г. Зэтбееръ старается защитить честь Мальтуса въ своей книгѣ: „Die Stellung der Sozialisten zur Malthus'schen Befolkerungslehre“. (Книгу эту увѣнчалъ преміей геттингенскій университетъ). По его мнѣнію, только разсмотрѣніе перваго изданія „Опыта“ Мальтуса могло бы окончательно разрѣшить споръ, вызванный рѣзкимъ упрекомъ Маркса (г. Зэтбееръ не могъ достать этого изданія). „А пока, наивно прибавляетъ онъ, мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить Марксу больше, чѣмъ Мальтусу“ (стр. 34). Но Марксу едва-ли когда приходило въ голову просить нѣмецкихъ „ученыхъ“ вѣрить ему на слово. Единственное, чего онъ могъ требовать отъ нихъ,—это знакомство съ тѣми предметами, о которыхъ они вздумаютъ говорить. „Не ясно — замѣчаетъ г. Зэтбееръ — относится-ли, и на сколько относится упрекъ въ плагиатѣ къ послѣднимъ изданіямъ сочиненій Мальтуса. Если — да, то несостоятельность его обнаруживается какъ приведенными (г. Зэтберомъ) мѣстами изъ предисловія ко второму изданію, гдѣ Мальтусъ называетъ свои источники, такъ и способомъ обработки предмета“. Во-первыхъ мы не знаемъ, какъ это могутъ быть не ясны г. Зэтбееру совершенно ясныя слова Маркса о *первомъ* изданіи, а во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ спросить его, думаетъ-ли онъ, что Мальтусъ обнаружилъ большую самостоятельность въ дальнѣйшей „обработкѣ“ предмета“. Читалъ-ли г. Зэтбееръ предисловія Мальтуса? Если-да, то пусть онъ укажетъ хоть одну — только одну! — мысль этого писателя, не заимствованную у кого нибудь изъ нихъ. Съ своей стороны мы можемъ привести именно изъ послѣдующихъ изданій множество примѣровъ поразительной, доходящей до мелочей несамостоятельности Мальтуса.

о народонаселеніи, напримѣръ Чернышевскій, считали его замѣчательнымъ экономистомъ, ставили его имя рядомъ съ именами Смита и Рикардо. А между тѣмъ, достаточно прочитавъ его „*Основы политической экономіи*“, чтобы увидѣть всю шаткость такого мнѣнія. Подобно Сэю, Мальтусъ былъ противникомъ Рикардо, и, еще разъ подобно Сэю, онъ не только очень слабо возражалъ Рикардо, но просто не въ состояніи былъ *понять* взгляды этого, дѣйствительно замѣчательнаго экономиста. Точка зрѣнія Рикардо навсегда осталась для него недостижимой ступенью научнаго мышленія. Все, что говоритъ онъ противъ Рикардо, можетъ по своему достоинству сравниться развѣ лишь съ возраженіями Сэя противъ того же писателя, или съ тѣми доводами, которые въ изобиліи измышляются теперь патентованными учеными для побіенія марксизма. ¹⁾ Умъ Мальтуса, типическій умъ вульгарнаго экономиста, никогда не шель дальше поверхности явленій и никогда не отличался хотя бы самою элементарною послѣдовательностью. За какой вопросъ ни брался этотъ человекъ, онъ неизбѣжно запутывалъ его по той простой причинѣ, что не умѣлъ ясно поставить его передъ собою и твердо держаться разъ принятой постановки. Незамѣтно для себя онъ перескакивалъ отъ одной постановки къ другой, мѣшалъ въ одну кучу различные выводы, вытекающіе изъ различныхъ постановокъ вопроса, и кончалъ тѣмъ, что врядъ-ли и самъ понималъ, о чемъ собственно идетъ у него рѣчь въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Это, разумѣется, очень большой недостатокъ. Но замѣчательно, что именно этотъ-то недостатокъ и оказалъ ему огромную услугу при „ислѣдованіи“ вопроса о народонаселеніи.

Мы видѣли, что многіе предшественники Мальтуса строго различали *физическіе* предѣлы размноженія отъ „*моральных*“ предѣловъ, зависящихъ отъ общественныхъ отношеній. Мы видѣли также, какъ ясно понимали нѣкоторые изъ нихъ то обстоятельство, что законы народонаселенія различны на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Такая постановка вопроса была очень неудобна для людей, желавшихъ сдѣлать изъ него оружіе противъ требованій пролетаріата. Эти люди стремились доказать, что бѣдствія пролетаріевъ происходятъ отъ перенаселенія. Но даже соглашаясь съ ними, можно было, — помня выводы прежнихъ изслѣдователей, — попросить ихъ объяснить, какими собственно причинами обусловливается перенаселеніе: физическими, или „моральными“? Происходитъ-ли оно отъ того, что почва страны не въ состояніи прокормить данное число людей, или только отъ того, что общественныя условія мѣшаютъ надлежащимъ образомъ воспользоваться плодородіемъ почвы? Въ интересахъ такъ называемаго общественнаго спокойствія необходимо было, во что бы то ни стало, избѣжать столь нескромныхъ и несвоевременныхъ разспросовъ. А этого легче всего было достигнуть устраненіемъ съ поля изслѣдованія всѣхъ общественныхъ элементовъ, отъ которыхъ въ дѣйствительности зависитъ рѣшеніе вопроса. *Ис-*

¹⁾ Для примѣра укажемъ на его разсужденія о стоимости, какъ въ вышеназванномъ сочиненіи, такъ и въ „Definitions in political Economy“, ch. VIII.

торическіе законы народонаселенія должны были уступить мѣсто одному *отвлеченному закону*, дѣйствующему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Мы знаемъ, что уже Тоунзэндъ очень ловко свелъ вопросъ на эту отвлеченную почву. Но Тоунзэндъ этимъ и ограничился. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, не обезпечивъ себѣ отступленія, не выставивъ, для внушительности, такого историческаго матеріала, который помѣшалъ бы противникамъ обратитъ вниманіе на слабую точку позиціи, на полное отсутствіе историческаго взгляда на дѣло. Этотъ пробѣлъ пополненъ былъ Мальтусомъ. Появившійся сначала въ видѣ довольно тощей книжки, его „*Опытъ о законѣ народонаселенія*“ постепенно (въ послѣдующихъ изданіяхъ) принялъ видъ чрезвычайно серьезнаго и обстоятельнаго изслѣдованія, полного самыхъ разнообразныхъ фактическихъ данныхъ.

Казалось бы, что это обиліе данныхъ должно было помѣшать ему исполнить свою задачу: установить отвлеченный законъ отвлеченнаго народонаселенія. Но, благодаря указанному характеру своего ума, онъ благополучно миновалъ и Сциллу, и Харибду.

Но собственному признанію Мальтуса, онъ взялся за изслѣдованіе закона о народонаселеніи, руководимый желаніемъ приложить этотъ законъ „въ разъясненію нѣкоторыхъ теорій относительно усовершенствованности человѣка и общества, теорій, на которыхъ сосредоточивалось въ то время общественное вниманіе.“ Самъ же онъ объясняетъ намъ, каковы именно были эти теоріи: главнѣйшая изъ нихъ, теорія Годвина, имѣла цѣлью показать „огромныя выгоды системы равенства.“ „*Разъясняя*“ эту теорію, Мальтусъ выставяетъ противъ нея слѣдующій доводъ: „Главная ошибка Годвина состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всѣ бѣдствія, возмущающія общество. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ законахъ, касающихся собственности, онъ видитъ источникъ всѣхъ бѣдствій и всѣхъ преступленій. Но если бы это воззрѣніе было справедливо, то можно было бы не отчаяваться въ надеждѣ, что зло будетъ когда нибудь окончательно изгнано изъ окружающаго насъ міра, а разумъ человѣческій дѣйствительно будетъ орудіемъ такого благотворнаго преобразованія. Но дѣло въ томъ, что бѣдствія, причиняемыя человѣческими учрежденіями, между которыми нѣкоторыя представляются несомнѣнно вредными, оказываются крайне ничтожными и поверхностными сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.“ 2) Для доказательства этой мысли ему служитъ тотъ отвлеченный законъ, въ силу котораго населеніе всегда стремится будто бы перейти за предѣлы средствъ существованія. Изложенію закона посвящена первая глава первой книги „*Опыта*“. Тамъ мы встрѣчаемся

---

¹⁾ См. предисловіе ко второму изданію „*Опыта*.“ Всѣ наши ссылки относятся къ русскому переводу П. А. Библикова.

²⁾ *Опытъ* Т. II, кн. III, гл. 2, стр. 90 — 91.

съ пресловутыми *прогрессіями*, ¹⁾ которыя, повидимому, не оставляютъ сомнѣнія въ справедливости закона, а слѣдовательно и той мысли, что вліяніе плохого общественнаго устройства оказывается „крайне поверхностнымъ и ничтожнымъ сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.“ Такое именно впечатлѣніе и выноситъ читатель изъ этой главы. Но затѣмъ онъ переходитъ къ обширному, занимающему цѣльяхъ двѣ книги, изслѣдованію „о препятствіяхъ для размноженія населенія“ на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Тутъ онъ имѣетъ дѣло съ этнографическими, историческими и статистическими данными, которыя щедрой рукой разсыпаетъ авторъ. Онъ присматривается къ этимъ даннымъ,—и что же онъ видитъ? Неужели Мальтусъ позабылъ свое основное положеніе? Вліяніе человѣческихъ учрежденій оказывается далеко не такимъ ничтожнымъ, какимъ его хочетъ выставить авторъ. Порой дѣло доходитъ до того, что учрежденія представляются самой главной причиной экономическихъ бѣдствій, испытываемыхъ населеніемъ. Не угодно-ли вамъ вдуматься въ смыслъ, наприимѣръ, слѣдующихъ явленій?

„Мунго Паркъ представляетъ намъ посѣщенныя имъ части Африки дурно обработанными и безлюдными. Путешественникъ этотъ встрѣчалъ обширныя и прекрасныя пустыни совершенно лишенными населенія. Пограничныя части различныхъ странъ, по которымъ онъ проѣхалъ, были либо слабо населены, либо вовсе безлюдны. Болотистые берега Гамбін, Сенегала и многихъ другихъ рѣкъ, близь моря, повидимому вовсе оставлены, по причинѣ ихъ нездороваго климата. Но нельзя этого сказать о другихъ частяхъ страны. Глядя на ихъ удивительное плодородіе, на безчисленныя, покрывающія ихъ стада, которыя можно было бы употребить какъ въ работу, такъ и въ пищу; сообразивъ какъ бы легко было облегчить въ нихъ сообщенія посредствомъ внутреннихъ водяныхъ путей, нельзя не пожалѣть, говорить Мунго-Паркъ, что всѣ эти богатые дары природы остаются безъ употребленія, и что человѣкъ не употребляетъ въ свою пользу богатствъ, расточаемыхъ передъ нимъ этою дикою и дѣвственною природою.“²⁾

„Главная причина слабago населенія Турціи, сравнительно съ ея протяженіемъ, состоитъ безспорно въ свойствѣ ея правительства. Тираннія, безсиліе, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченная собственность, представляютъ такія препятствія для земледѣлія, что оно съ каждымъ годомъ упадаетъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе.“³⁾

1) Очень ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что по крайней мѣрѣ прогрессіи эти придуманы самими Мальтусомъ. О способности человѣческаго рода къ размноженію по геометрической прогрессіи говорили и до него (Франклинъ, Уоллсъ, Тоунзэндъ). Арифметическая прогрессія, кажется, придумана дѣйствительно самими Мальтусомъ. Но трудно ли было придумать ее напр. послѣ разсужденій Тоунзэнда о томъ, что размножающееся по геометрической прогрессіи населеніе стремится обогнать средства существованія? Неужели простое арифметическое сравненіе можетъ быть названо открытіемъ?

2, Опытъ, книга 1, гл. V111, стр. 194.

3) Тамъ же, кн. 1 гл. X, стр. 219.

Описавъ, на основаніи путешествій Брюса, состояніе Абиссиніи, Мальтусъ замѣчаетъ: „При такихъ естественныхъ и политическихъ условіяхъ высшая степень предусмотрительности, трудолюбія и безопасности, разумѣется, могла бы улучшить состояніе народа и, тѣмъ самымъ, увеличить ея населеніе. Но одно только увеличеніе числа рожденій, безъ содѣйствія другихъ мѣръ, можетъ только увеличить нищету, а населеніе отъ этого ничего не выиграетъ. То же самое можно сказать и о Египтѣ, нѣкогда столь цвѣтущемъ и населенномъ. Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этаго закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность. Вотъ какимъ причинамъ, а также отсутствію безопасности и гнету притѣснительнаго правительства, слѣдуетъ приписать настоящее положеніе этой знаменитой страны. Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія. Будь онъ въ десять разъ сильнѣе, онъ не могъ бы сдѣлать ничего больше.“¹⁾

Заглянемъ теперь въ „*Основы Политич. Экономіи*“ того же автора. Тамъ онъ описываетъ, со словъ Гумбольдта, положеніе дѣлъ въ тогдашней испанской Америкѣ. Оказывается, что плодородіе этихъ земель поразительно. Двухъ дней труда въ недѣлю было бы достаточно, чтобъ прокормить цѣлую семью. Урожай маиса бываетъ иногда самъ — 800. Въ окрестностяхъ Вальядолида самъ 130—150 есть средній урожай маиса. Въ наиболѣе неплодныхъ мѣстностяхъ урожай его бываетъ самъ 60, самъ 80. Тамъ, гдѣ растутъ бананы, добываніе пищи еще менѣе затруднительно. Человѣку нужно тамъ „лишь срѣзать вѣтки, на которыхъ созрѣли плоды и окопать землю вокругъ корней разъ или два въ годъ“. При небольшой заботѣ о земледѣліи Мексика могла бы прокормить въ десять разъ большее число жителей. А между тѣмъ бѣдность въ испанской Америкѣ страшная, населеніе крайне рѣдкое. „Пространства въ нѣсколько квадратныхъ верстъ заняты какой нибудь парой хижинъ, вокругъ которыхъ бродятъ стада полудикихъ быковъ. Небольшое число могущественныхъ семействъ, населяющихъ центральную возвышенность, владѣетъ большею частью побережья въ интендантствахъ Веракрузъ и Сая-Луи-Потози. Никакой аграрный законъ не вынуждаетъ этихъ богатыхъ собственниковъ продавать ихъ майораты въ томъ случаѣ, если сами они не хотятъ воздѣлывать принадлежащія имъ огромныя земли“. Это говоритъ Гумбольдтъ. И по этому поводу Мальтусъ замѣчаетъ, что хотя названные землевладѣльцы „имѣютъ полную возможность содержать на своихъ земляхъ гораздо болѣе многочисленное населеніе, но сомнительное и во всякомъ случаѣ слишкомъ незначительное увеличеніе различныхъ благъ, котораго они могли бы ожидать отъ приращенія населенія, лишъ въ рѣдкихъ случаяхъ могло бы побѣдить ихъ безпечность и уравновѣсить соединенные съ нимъ неудобства и хлопоты“... Туземцы охотно воздѣлывали бы землю для себя, но высокой арендной платы они дать не могутъ, и потому

1] Опытъ, т. I, кн. I, гл. VIII, стр. 205.

собственники предпочитают оставлять землю под пастбищами. „Вслѣдствіе этого земли, которыя могли бы прокормить тысячи обитателей, служатъ лишь для корма нѣсколькихъ сотенъ скота“. Въ концѣ концовъ Мальтусъ приходитъ къ тому заключенію, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ“ (that the power of supporting labour may exist to a much greater extent than the will), и что рѣдкость населенія испанской Америки причиняется именно указанными имущественными отношеніями: *неравенствомъ* (by this inequality). Поправить дѣло можно было бы лишь лучшимъ распределеніемъ собственности и постепеннымъ развитіемъ въ странѣ промышленности на европейскій ладъ. И нѣтъ надобности забираться въ испанскую Америку, чтобы придти къ подобному заключенію: къ нему приводитъ состояніе самой Испаніи и даже большинства европейскихъ странъ“.*)

Мальтусъ прекрасно знаетъ, что безъ работника ни шагу не сдѣлаешь въ промышленности. Въ испанской Америкѣ вопросъ этотъ стоялъ далеко не такъ, какъ это желательно было бы съ точки зрѣнія буржуазныхъ понятій. Какъ ни бѣдны были туземцы, но къ наемному труду приучить ихъ было бы очень трудно. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе какого-то просвѣщеннаго обитателя той страны, полагавшаго, что лишь радикальное истребленіе банановыхъ деревьевъ могло бы дать благодѣтельный толчокъ трудолюбію туземцевъ†). Мальтусъ приводитъ это мнѣніе, ни мало не возмущаясь имъ. Какъ и всякій правовѣрный буржуа, онъ прикладываетъ къ явленіямъ двойную мѣрку. Когда рѣчь идетъ объ отсталыхъ, полуфеодалныхъ странахъ, (какими были въ то время даже многія европейскія страны), онъ готовъ признать благодѣтельное значеніе даже такихъ мѣръ, какъ „аграрные законы“ и насильственное превращеніе народной массы въ пролетаріатъ. По отношенію къ такимъ странамъ оказывается несомнѣннымъ, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ“. Тогда онъ готовъ возставать и противъ „inequality“. Тогда онъ далекъ отъ мысли приписывать общественнымъ отношеніямъ лишь ничтожное, поверхностное значеніе. Тогда онъ готовъ взваливать на нихъ главную отвѣтственность за бѣдствія людей. Тогда его устами говоритъ буржуа, ненавидящій средневѣковый порядокъ и готовый разрушать его чуть не якобинскими мѣрами. Но когда рѣчь заходитъ о дорогомъ его сердцу буржуазномъ порядкѣ, когда возвышаются голоса, нападающіе на свойственное *этому порядку* неравенство, дѣло принимаетъ другой оборотъ: Мальтусъ превращается въ крайняго консерватора, лицомъ рно поднимаетъ глаза къ небу и старается образумить новѣйшихъ сторонниковъ равенства ссылкой на „заковъ природы или, что то же, божій законъ“

---

*) Principles of Political Economy considered with a view to their practical application, London 1820, pp. 375—401.

†) Т. е. лишивъ ихъ собственныхъ средствъ къ пропитанію, превративъ ихъ въ пролетаріевъ.

(The law of nature being a law of God), осуждающій людей на недостатокъ продовольствія, на нищету и пороки, и неимѣющій никакого отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ. Такова психологическая логика мальтусовскихъ разсужденій. Съ точки же зрѣнія формальной логики у него замѣчаются еще болѣе удивительныя курьезы.

Читатель помнитъ, что говоритъ Мальтусъ объ Египтѣ: „Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этого закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность... Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія“. Это значитъ вотъ что: было время, когда въ Египтѣ производилось много хлѣба, и тогда въ немъ было густое населеніе; теперь, по соціально-политическимъ причинамъ, въ немъ производится гораздо меньше хлѣба, а потому и населеніе въ немъ гораздо менѣе густо. Это совершенно понятное явленіе, но какую связь имѣетъ оно съ закономъ размноженія? Законъ этотъ „держитъ населеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія“, т. е. иначе сказать, пресловутый законъ гласитъ, что люди не могутъ жить безъ пищи. Это старая истина, для доказательства которой едва ли стоило писать объемистый „Опытъ“.

Но подобными пошлостями трудно опровергнуть „сторонниковъ равенства“. Мальтусъ знаетъ это, и придаетъ совершенно иной смыслъ своему закону въ спорахъ съ ними. Здѣсь онъ, опираясь на знаменитыя прогрессіи, упорно твердитъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что въ этомъ заключается коренная причина нищеты. Здѣсь „законъ Мальтуса“ выступаетъ въ своемъ отвлеченномъ видѣ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о тѣхъ препятствіяхъ для увеличенія средствъ существованія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ въ фактической части своего изслѣдованія, и которыя ясно показываютъ, что недостатокъ продовольствія причиняется не физическими, а „моральными“ причинами. Такъ и скачетъ нашъ почтенный священникъ отъ одной постановки вопроса къ другой, безнадежно запутывая и самого себя, и читателя. Это было бы очень ловкимъ софизмомъ, если бы не было просто паралогизмомъ, свойственнымъ уму вульгарнаго экономиста. Подобныхъ паралогизмовъ можно насчитать цѣлыя сотни въ „Основахъ политической экономіи“ Мальтуса.

Мы сказали, что въ этихъ паралогизмахъ заключалась главная сила Мальтуса, какъ изслѣдователя закона о народонаселеніи. И дѣйствительно, нерѣдко люди, гораздо болѣе умные, чѣмъ онъ, неудачно спорили противъ него единственно потому, что не умѣли разобраться въ произведенной имъ путаницѣ понятій. Извольте спорить съ человѣкомъ, который набросалъ въ одну беспорядочную кучу самыя различныя постановки вопроса и окрестилъ эту кучу именемъ изслѣдованія. Васъ поразила болѣе всего мысль о ничтожномъ и поверхностномъ значеніи общественныхъ отношеній въ дѣлѣ добыванія продовольствія. Вы возражаете противъ нея, ссылаясь на общественныя, этнографическія и историческія факты. Помилуйте, отвѣчаютъ вамъ, все это прекрасно зналъ самъ Мальтусъ, онъ при-

водитъ еще болѣе поразительные примѣры: не угодно ли вамъ просмотрѣть такіе-то и такіе-то мѣста его „Опыта“. — Если вы вздумаете подойти къ вопросу съ другой стороны, если вы скажете, что самъ Мальтусъ показалъ, до какой степени общественныя отношенія часто мѣшаютъ людямъ пользоваться всѣми паходящимися въ ихъ распоряженія производительными силами, вамъ опять укажутъ на законъ Мальтуса, но на этотъ разъ уже въ его отвлеченномъ видѣ: вамъ скажутъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что общественныя отношенія тутъ не при чемъ. Направляйтесь въ какую вамъ угодно сторону—вамъ всегда преградитъ дорогу непроходимая трясина паралогизмовъ.

Возражавшіе Мальтусу „сторонники равенства“ тѣмъ легче попадали въ эти трясины, что ихъ собственная постановка общественныхъ вопросовъ была далеко не безукоризненна. Пока они стояли на утопической точкѣ зрѣнія, они не любили считаться съ исторической дѣйствительностью. Они предпочитали отвлеченныя рѣшенія общественныхъ вопросовъ, годныя для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Благодаря этому, они въ спорѣ о законѣ народонаселенія легко попадали въ разставленныя Мальтусомъ логическія ловушки. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ выгодной для нихъ позиціи критики существующихъ общественныхъ отношеній, они устремлялись въ бесплодную пустыню отвлеченныхъ изслѣдованій объ отвлеченномъ размноженіи отвлеченнаго челоуѣчества. Не мало силъ взяло странствованіе по этой пустынѣ, но вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ вплоть до появленія „Капитала“.

Вопросъ о народонаселеніи разсматривается въ „Капиталѣ“, повидимому, совершенно мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ. Современнымъ нѣмецкимъ ученымъ, которые оцѣниваютъ достоинство научной мысли по количеству томовъ, потребовавшихся для ея изложенія, кажется даже, что Марксъ недостаточно серьезно относится къ этому вопросу. А между тѣмъ, что собственно говоритъ о немъ Марксъ въ „Капиталѣ“? Онъ говоритъ, во-первыхъ, что абстрактные законы населенія существуютъ только для животныхъ и растений, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока законы эти не видоизмѣняются дѣятельностью челоуѣка. Ланге замѣчаетъ по этому поводу въ своей извѣстной книгѣ о рабочемъ вопросѣ, что законы размноженія животныхъ и растений тоже не абстрактны, потому что законы эти видоизмѣняются сообразно болѣе или менѣе благоприятнымъ для размноженія условіямъ. Но очевидно, что онъ плохо схватываетъ мысль Маркса. Марксъ говоритъ о законахъ „населенія“ среди животныхъ и растений въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорилъ о немъ Монтескье, т. е. онъ хотѣлъ сказать, что плодовитость самокъ (или женской, прекрасной, точнѣе непрекрасной, половины растительнаго царства, или гермафродитныхъ организмовъ среди животныхъ и растений) остается сама по себѣ (пока ее не видоизмѣняетъ челоуѣкъ) неизмѣнной. Противъ этого странно было бы спорить. Далѣе Марксъ говоритъ, что для cadaго историческаго способа производства существуетъ свой особенный законъ народонаселенія, дѣйствіе котораго ограничивается данной исторической эпохой. Эта мысль, во-

первыхъ, совершенно согласна съ тѣми выводами, къ которымъ пришла экономическая наука въ эпоху, предшествовавшую появленію сикофантовъ въ родѣ Тоунзэнда и Мальтуса. А во-вторыхъ, она блистательно подтверждается современными статистическими изслѣдованіями о народонаселеніи*). Кромѣ того, Марксъ устанавливаетъ свойственный капиталистическому обществу законъ населенія, который можетъ быть выраженъ такъ: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ образованію и возрастанію относительно излишняго (т. е. не имѣющаго заработка) населенія, запасной арміи рабочихъ, какъ назвалъ это населеніе Энгельсъ еще въ сороковыхъ годахъ. Вѣренъ или не вѣренъ дѣйствительности этотъ законъ? Статистика показываетъ, что вѣренъ. Изъ исторіи же политической экономіи видно, что уже экономисты XVIII вѣка высказывали болѣе или менѣе счастливыя догадки относительно его существованія (просимъ читателя вспомнить взгляды Стэрта и Герреншванда). Да и не одни экономисты высказывали подобныя догадки. Величайшій изъ философовъ-идеалистовъ XIX столѣтія, Гегель, прямо говоритъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ развитіе богатства идетъ рука объ руку съ развитіемъ бѣдности†). Значитъ, Марксъ не сказалъ ничего такого, что можно было бы назвать парадоксальнымъ. Значитъ, онъ и въ этомъ отношеніи остается вѣренъ лучшимъ традиціямъ экономической науки. Онъ лишь далъ *научное* выраженіе и доказательство тому, о чемъ *догадывались* его предшественники. Но если это такъ, то почему же взглядъ его на вопросъ о народонаселеніи вызвалъ столько недоумѣній среди современныхъ экономистовъ, начиная съ болѣе или менѣе безпристрастнаго Ланге и кончая очень пристрастнымъ г. Зэтбееромъ? Потому, что въ немъ заключается слишкомъ рѣзкое осужденіе существующему порядку вещей, а подобное осужденіе не можетъ нравиться сторонникамъ буржуазіи и кажется слишкомъ рискованнымъ людямъ, не совсѣмъ еще разорвавшимъ съ нею, не совсѣмъ еще ставшимъ на точку зрѣнія пролетаріата.

Въ виду всего сказаннаго, какъ же можно выразить законъ народонаселенія въ будущемъ, социалистическомъ обществѣ? Пока еще никакъ. Мы не можемъ найти законъ народонаселенія, свойственный еще не существующему обществу. Всякія попытки сдѣлать это были бы преждевременными, а потому *утопическими, ненаучными*. Это мы можемъ и должны сказать съ полною увѣренностью. А если, на этомъ основаніи, намъ вздумаютъ грозить *перенаселеніемъ*, которое, по мнѣнію мальтусіанцевъ, неизбежно при социалистическомъ порядкѣ, мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, современное состояніе производительныхъ силъ очень далеко отодвигаетъ для цивилизованныхъ странъ *физическій* предѣлъ размноженія, а во-вторыхъ, если

---

*) Укажемъ хотя бы на статистику народонаселенія во Франціи. Изъ множества относящихся къ этому предмету сочиненій назовемъ изслѣдованіе Бертильона младшаго и Дюмона (*Dépopulation et Civilisation*).

†) См. объ этомъ нашу статью „Zu Hegel's sechzigstem Todestag“, печатаніе которой началось въ „Neue Zeit“ 14 Ноября 1891 г.

человѣчеству и придется когда нибудь бороться съ перенаселеніемъ, — ему гораздо удобнѣе бороться съ нимъ, имѣя дѣло съ рационально организованнымъ производствомъ и всесторонне развитыми производителями, чѣмъ при нынѣ существующемъ общественномъ устройствѣ, основанномъ на угнетеніи рабочей массы и на господствѣ продукта надъ производителемъ.*)

Въ „Основахъ политической экономіи“ Мальтусъ удачнѣе объясняетъ намъ истинный смыслъ своего закона. „Если бы простая нужда или желаніе рабочихъ классовъ пріобрѣсти вещи, необходимыя и полезныя для жизни, были достаточнымъ побужденіемъ для производства—говоритъ онъ тамъ—ни одна страна въ Европѣ, или даже во всемъ свѣтѣ, не встрѣтила бы другихъ препятствій для роста богатства, кромѣ своихъ производительныхъ силъ; и уже съ давнихъ поръ земля кормила бы въ 10 разъ больше жителей, чѣмъ кормитъ теперь“. Но иное дѣло „нужда“ рабочихъ классовъ, иное дѣло такъ называемый въ экономіи *дѣйствительный спросъ*, а въ немъ-то вся сила. „Человѣкъ, ничего не имѣющій кромѣ своего труда (Мальтусъ хочетъ сказать — своей рабочей силы) является представителемъ спроса на продукты лишь по столько, по сколько обладатели этихъ продуктовъ нуждаются въ его трудѣ (т. е. въ рабочей силѣ). Спросъ же на производительный трудъ никогда не можетъ имѣть мѣста, если стоимость продукта этого труда не будетъ больше стоимости самого труда“ (опять таки рабочей силы)†]. Это очень ясно и совершенно справедливо: *рабочая сила* покупается единственно въ видахъ производства *прибавочной стоимости*. Но это вѣрное замѣчаніе придаетъ совершенно новый видъ закону народонаселенія; теперь онъ гласитъ уже такъ: совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Работникамъ, лишеннымъ счастья производить прибавочную стоимость, остается лишь умереть съ голоду. Таковъ „законъ природы или, что то же, божій законъ“. Очень хорошо, примемъ это къ свѣдѣнію и пойдемъ дальше. Въ своемъ „Опытѣ“ Мальтусъ совѣтовалъ рабочимъ размножаться какъ можно меньше. Онъ говорилъ такъ, желая свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за бѣдствія пролетаріата и по возможности облегчить имъ тяжесть на-

*) Г. А. Лоріа въ своей брошюрѣ „La legge di popolazione ed il sistema sociale“, Siena 1882, вздумалъ было соединить взгляды Маркса, — котораго онъ, впрочемъ, не называетъ, — со взглядами Мальтуса. У него выходитъ, что размноженіе населенія, — законы котораго измѣняются сообразно измѣненіямъ общественнаго устройства, — въ свою очередь является дѣятельной причиной всѣхъ перемѣнъ въ общественныхъ отношеніяхъ. До какой степени неудовлетворительно это эклектическое воззрѣніе, показываетъ то простое обстоятельство, что г. Лоріа забылъ о развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, отъ которыхъ въ послѣднемъ счетѣ все и зависитъ. Подобное несчастіе, впрочемъ, часто случается съ г. Лоріа въ его будто бы глубокомысленныхъ, но въ дѣйствительности крайне поверхностныхъ и ни мало не остроумныхъ изслѣдованіяхъ. Ученый А. Лоріа именно *слона-то* никогда и не примѣчаетъ.

†) Здѣсь мы вынуждены цитировать по французскому переводу, не имѣя въ настоящую минуту подъ руками англійскаго подлинника. См. Principes etc., traduit de l'anglais par M. F. S. Constancio, Paris 1820, t. II, pp. 17—19.

лога для бѣдныхъ. Въ „Основахъ политической экономіи“ онъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны. Онъ вспомнилъ, что какъ тамъ ни разсуждай, а работникъ есть единственный производитель прибавочной стоимости, и вотъ онъ замѣчаетъ, что если бы рабочій классъ размножался слишкомъ медленно, это могло бы раззорить страну, занимающуюся исключительно торговлей и мануфактурной промышленностью*). Это опять совершенно справедливая мысль, ее тоже нужно принять къ свѣдѣнію. Но, къ сожалѣнію, она опять измѣняетъ законъ народонаселенія. Теперь его приходится формулировать уже такимъ образомъ: Совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ требуется для производства прибавочной стоимости. Это очень неудобно и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ: имущимъ классамъ приходится платить неприятный налогъ въ пользу бѣдныхъ, а немущіе могутъ обнаружить опасную склонность къ ученіямъ „сторонниковъ равенства“. И наоборотъ, страна оказывается недостаточно населенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней меньше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Такое положеніе дѣлъ можетъ привести ее къ раззоренію. *Нормальный приростъ населенія* есть тотъ, который *опредѣляется потребностями капитала въ рабочей силѣ*. Работники должны имѣть это въ виду. Если, рождая дѣтей, они не сумѣютъ опредѣлить, сколько именно рукъ понадобится капиталу къ тому времени, когда ихъ дѣти достигнутъ рабочаго возраста, то тѣмъ хуже для нихъ. Излишнія руки должны будутъ погибнуть жертвою нищеты; въ томъ же случаѣ, когда рукъ окажется слишкомъ мало, страна раззорится, а отъ этого опять уменьшится спросъ на рабочую силу. Таковъ „законъ природы или, что то же, божій законъ“.

Мальтусъ хотѣлъ опровергнуть сторонниковъ равенства и показать невыгоды общности имуществъ. До какой степени могли быть сильны возраженія этого человѣка противъ коммунизма, можно судить уже по одному тому, что онъ никогда не въ состояніи былъ выйти изъ сферы буржуазныхъ экономическихъ понятій. Онъ пресерьезно говоритъ объ уровнѣ прибыли у дикарей. Онъ знаетъ, что, напр., въ Перу былъ коммунистическій строй. Но этотъ строй онъ называетъ „страннымъ“, и этимъ эпитетомъ отдѣливается отъ дальнѣйшей его оцѣнки. Подобной узкостью взглядовъ страдали, какъ мы знаемъ, даже лучшіе экономисты того времени, но ни у кого не доходила она до такихъ странныхъ, можно сказать, комическихъ размѣровъ, какъ у автора „Опыта о законѣ народонаселенія“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить хотя бы то, какъ опредѣлялъ онъ производительное потребленіе†).

*) Тамъ же, т. I, стр. 340.

†) Работникъ... несомнѣнно потребляетъ часть своей заработной платы въ видахъ поддержанія своего существованія, а не какъ капиталъ съ цѣлью производства (Мальтусъ хочетъ сказать съ цѣлью выжиманія изъ другого прибавочной стоимости). Онъ производительный потребитель по отношенію къ лицу, которое даетъ ему работу

Въ „Опытѣ“ Мальтусу приходилось толковать о перенаселеніи; въ „Основахъ пол. экон.“ ему пришлось считаться также и съ *перепроизводствомъ*. „Какъ бы ни были велики производительныя силы, говоритъ онъ, сами по себѣ онѣ еще не могутъ обезпечить соответственнаго имъ возрастанія богатства. Чтобы дать этимъ силамъ полное развитіе, нужно, повидимому, еще нѣчто другое. Продукты должны быть такъ приспособлены къ нуждамъ потребителей, чтобы при распредѣленіи ихъ между ними, возросла общая мѣновая стоимость всей массы продуктовъ“*). Другими словами: между производительными силами и людьми, нуждающимися въ продуктахъ, стоитъ капиталистъ, который говоритъ, что онъ согласенъ пустить въ дѣло названныя силы только въ томъ случаѣ, если это занятіе принесетъ ему извѣстную прибыль. Но въ современномъ обществѣ силы эти такъ велики, что продукты нерѣдко переполняютъ рынки, не находя себѣ сбыта. А вслѣдствіе этого капиталисты лишаются ожидаемой прибыли. Тогда они прекращаютъ производство, разсчитываютъ своихъ работниковъ, и между этими послѣдними царствуетъ *нищета*, о которой еще Фурье справедливо замѣтилъ, что она порождается ничѣмъ инымъ, какъ *избыткомъ*: рабочіе *блѣдствуютъ* именно потому, что они произвели *слишкомъ много предметовъ*, годныхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Какъ же быть? Кажется, что проще всего дѣло рѣшилось бы передачей работникамъ тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ они нуждаются, и которые въ избыткѣ находятся на рынкѣ. Но такая передача означала бы нарушеніе священныхъ правъ капиталистической собственности, и ужъ разумѣется не Мальтусъ одобрилъ бы подобное нарушеніе. Онъ придумалъ другое, онъ нашелъ, что „причины, наиболѣе благопріятствующія“ выгодному для господъ капиталистовъ сбыту продуктовъ, могутъ быть трехъ родовъ: „1) раздѣленіе крупной поземельной собственности, 2) внѣшняя и внутренняя торговля и 3) существованіе непродизводительныхъ потребителей†). Читатель помнитъ, что, по опредѣленію Мальтуса, потребленіе работника также можетъ быть непродизводительнымъ въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но здѣсь онъ требуетъ *совершенно* и во всѣхъ смыслахъ непродизводительнаго потребленія, такого потребленія, которое можетъ быть дано лишь роскошью высшихъ классовъ, военными расходами и т. п. Мальтусъ усердно проповѣдуетъ подобное потребленіе и горячо защищаетъ его отъ всѣхъ возможныхъ нападокъ. Въ „Опытѣ“ онъ пытался объяснить нищету рабочихъ классовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на свѣтъ рождается больше желудковъ чѣмъ можетъ быть произведено хлѣба для ихъ наполненія. Въ „Основахъ“ оказалось, что бѣдность рабочихъ можетъ имѣть другое, такъ сказать болѣе тонкое и благородное происхожденіе: производи-

---

и по отношенію къ государству, но, строго говоря, не по отношенію къ самому себѣ“ (Definitions, стр. 258—259) Такъ какъ я не могу эксплуатировать самого себя, то никогда не могу быть производительнымъ потребителемъ по отношенію къ самому себѣ. Удивительная глубина мысли!

*) Principes d'économie politique, т. II, стр. 121.

†) Тамъ же, т. II, стр. 145.

тели бѣдствуютъ всякій разъ, когда въ странѣ слишкомъ мало бездѣльниковъ. Таковъ „законъ природы или, что то же, Божій законъ“.

Впрочемъ, Мальтусъ допускаетъ, что можно бы, пожалуй, обойтись и безъ непроизводительнаго потребленія, если бы рабочіе получали большую плату, а слѣдовательно могли бы представить съ своей стороны болѣе серьезный дѣйствительный спросъ. Но этому мѣшаетъ слишкомъ быстрое размноженіе работниковъ, ведущее къ усиленію соперничества между ними и къ паденію заработной платы. Ну, а если бы каждый изъ нихъ сталъ меньше работать, если бы сократился рабочій день? Никогда этого не будетъ, отвѣчаетъ Мальтусъ: государство не имѣетъ права ограничивать рабочій день, а сами рабочіе никогда не сговорятся сдѣлать это, никогда не откажутся отъ взаимнаго соперничества. Скорѣе можно надѣяться, что они станутъ рождать меньше дѣтей*). Это пророчество въ настоящее время не нуждается въ оцѣнкѣ.

Извѣстно, что въ „Опытѣ“ Мальтусъ высказалъ очень пессимистическіе взгляды относительно возможнаго усовершенствованія земледѣлія въ передовыхъ странахъ Европы. По его расчетамъ выходило, что производительность труда должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество его, направленное на воздѣлываніе даннаго участка. Нѣкоторые экономисты считали это явленіе совершенно безспорнымъ и возвели его въ экономическій законъ. Однако, самъ Мальтусъ далеко не придавалъ ему большого практическаго значенія. Въ „Основахъ“ онъ такъ высказывается на этотъ счетъ: Производительность земледѣльческаго труда, конечно, уменьшается, но при „настоящемъ состояніи міра“ это происходитъ очень медленно; къ тому же различныя улучшенія часто совершенно останавливаютъ уменьшеніе производительности труда или даже увеличиваютъ ее. „Я убѣжденъ—говоритъ онъ,— что капиталъ затраченный на обработку участковъ, распаханыхъ въ 1813 г., былъ болѣе производителенъ, чѣмъ капиталъ, употребленный на обработку участковъ, распаханыхъ въ 1727 г.“ Вообще, „вѣроятность такого увеличенія производительности труда, которое было бы достаточно для урановѣшенія неблагопріятныхъ результатовъ расчистки новыхъ участковъ, настолько велика, что при настоящемъ состояніи большинства странъ земного шара, или при ихъ вѣроятномъ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ столѣтій, мы можемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вполне рассчитывать на дѣйствіе этой причины**).

Смыслъ басни сей таковъ: когда вы спорите со „сторонниками равенства“, полезно ссылаться на скуность природы, на уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда; а когда вы собираетесь пригласить имущіе классы къ усиленію непроизводительнаго потребленія, вы можете сказать имъ по секрету отъ „трудящихся бѣдна-

*) Тамъ же, с. II, стр. 227 и слѣд.

***) Тамъ же, т. I, стр. 477—479.

ковъ и отъ „сторонниковъ равенства“, что еще, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій неизбѣжное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда останется нелѣпой выдумкой.

• III.

Перейдемъ теперь къ Чернышевскому. Возраженія, дѣлаемыя имъ Мальтусу, относятся почти исключительно къ первой главѣ первой книги „Опыта“. Онъ занимается преимущественно Мальтусовыми прогрессіями, причемъ начинаетъ съ арифметической прогрессіи возрастанія земледѣльческаго продукта.

Мальтусъ считалъ очень смѣлымъ то предположеніе, что общій продуктъ англійскаго земледѣлія могъ быть удвоенъ въ 25 лѣтъ. „Это наивность, вызывающая улыбку у людей, читавшихъ нынѣшнія агрономическія книги“, замѣчаетъ Чернышевскій. Основываясь на расчетѣ Гаспарена (въ его „Cours d'Agriculture“), онъ утверждаетъ, что „при порядочномъ устройствѣ плодoperемѣнной системы произведеніями 100 гектаровъ продовольствуются 931 человекъ“, а такъ какъ въ Великобританіи и Ирландіи (по Кольбу) находится до 61^{1/2} миллионovъ экровъ, т. е. около 25 миллионovъ гектаровъ земли, годной для воздѣлыванія, то „Великобританія съ Ирландіей, при порядочномъ устройствѣ плодoperемѣннаго хозяйства, могли бы продовольствовать 230 миллионovъ населенія“, т. е. увеличить нынѣшній земледѣльческій продуктъ (расчетъ Чернышевскаго относится къ 1860 г.) въ 9 разъ*). „Достаточно ли 25 лѣтъ для введенія хорошаго плодoperемѣннаго хозяйства въ землѣ, которая имѣетъ уже вообще хозяйство гораздо лучше, чѣмъ простое трехпольное, предоставляемъ разсудить каждому. Итакъ, изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже въ 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Не въ правѣ ли мы сказать, что слишкомъ наивны были мысли, подъ вліяніемъ которыхъ Мальтусъ воображалъ, что дѣлаетъ крайнюю уступку, предполагая возможность удвоенія земледѣльческаго продукта въ 25 лѣтъ?**)

Какъ уже сказано въ предыдущей статьѣ, очень распространенное убѣжденіе въ томъ, что земледѣльческому продукту трудно возрастать со всей быстротой, съ какой могли бы размножаться люди, кажется Чернышевскому лишеннымъ всякаго

*) Въ 1860 г. все населеніе Великобританіи съ Ирландією простиралось тоже, по Кольбу, до 29 миллионovъ человекъ. Чернышевскій полагаетъ, что изъ нихъ домашними земледѣльческими продуктами содержалось не болѣе 25 миллионovъ.

**) Соч., т. III, стр. 102.

серьезнаго основанія. Экономисты, вслѣдъ за Мальтусомъ толкующіе объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, даже и не подумали о томъ, что имъ не мѣшало бы провѣрить свой взглядъ съ помощью статистики. Вотъ почему объ этомъ предметѣ до сихъ поръ разсуждаютъ на обумъ, „какъ разсуждалъ Мальтусъ“. Однако, самъ Чернышевскій признаетъ, что „если способъ воздѣлыванія земли остается прежній, то съ приращеніемъ населенія производительность пахотныхъ земель будетъ становиться въ средней пропорціи все меньше и меньше оттого, что нивы расширяются на земли все худшаго и худшаго качества“*). Дѣло лишь въ томъ, что Мальтусъ слишкомъ уже преувеличилъ значеніе этого фактора въ культурной исторіи человѣчества. Нашъ авторъ утверждаетъ, что какъ бы ни былъ кратокъ періодъ удвоенія населенія, легко было бы избѣжать недостатка продовольствія даже при очень незначительныхъ улучшеніяхъ въ способахъ воздѣлыванія земель. И онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія длинный рядъ ариеметическихъ выкладокъ. Въ виду важности вопроса, мы должны изложить взглядъ Чернышевскаго по возможности его собственными словами.

Въ основѣ этого взгляда лежитъ анализъ мальтусовскихъ прогрессій :

Размноженіе людей	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64.
Увеличеніе продуэта	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

„Ясно по какому отношенію возникаютъ члены второй строки изъ членовъ первой, говоритъ Чернышевскій : возрастающія въ геометрической прогрессіи прибавки къ числу работниковъ даютъ каждая одинаковую прибавку къ продукту. Напримѣръ, 1 новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ свою работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ 5 періода, и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1. Очевидно, что производительность труда новыхъ работниковъ, прибавляющихся въ каждомъ новомъ періодѣ, уменьшается въ той же прогрессіи, въ какой возрастаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ... Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагаетъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ.“ Исходя изъ этого, Чернышевскій дѣлаетъ слѣдующій расчетъ.

„Положимъ, что число населенія 1 января 1 года, было 1,000, а что работники-хлѣбопашцы этого населенія произвели извѣстное количество хлѣба, достаточное для хорошаго продовольствія всѣхъ 1,000 человѣкъ, то есть годовыхъ порцій, которыя назовемъ хотя, напримѣръ, возами. Итакъ, на хорошее продовольствіе въ годъ надобно, по нашему условію, возъ хлѣба на каждого человѣка. Положимъ, что число хлѣбопашцевъ-работниковъ въ этомъ населеніи было 100 человѣкъ. По условію видно, что для хорошаго продовольствія населенію нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба.

„Положимъ, что при такомъ изобиліи продовольствія населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (пропорція, нѣсколько выше той, какая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Тогда къ 1 января 2 года населеніе будетъ 1,030 человѣкъ, и если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ остается прежняя, ихъ будетъ 103 человѣка. Если для 1,000 человѣкъ нужно было 1,000 возовъ хлѣба, для 1,030 человѣкъ будетъ нужно 1,030 возовъ.

„Если бы успѣшность труда прибывшихъ работниковъ не была меньше, чѣмъ

*) Тамъ же, стр. 191—192.

прежнихъ, трудъ прибылыхъ 3 работниковъ произвелъ бы 30 возовъ хлѣба, количество, нужное для достаточнаго продовольствія 30 прибылыхъ человѣкъ населенія, и во 2-й годъ было бы для 1,030 человѣкъ 1,030 возовъ хлѣба. Но по Мальтусовой теоремѣ, производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ меньше, чѣмъ производительность труда прежнихъ; Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или, при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія, равенъ проценту возрастанія населенія. Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103. По этой пропорціи, какое количество хлѣба произведетъ прибылой работникъ, если прежній производилъ 10 возовъ?

$$X : 10 = 100 : 103$$

„Изъ этого получаемъ $X = 9,7087\dots$

„Итакъ, 3 прибылые хлѣбопашца произведутъ только $3 \times 9,7087 = 29,1261$ возовъ, вмѣсто 30 возовъ, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и на второй годъ для 1030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1030 возовъ хлѣба только 1,029,1261 возовъ.

„Чтобы вмѣсто 1,029,1261 возовъ жатва 2 года дала 1030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна въ этомъ году подняться на столько выше прежней своей величины 10, на сколько требуемый сборъ, 1,030, выше сбора 1,029,1261, получаемаго безъ усовершенствованій.

$$X : 10 = 1,030 : 1,029,1261$$

„Изъ этого мы получаемъ $X = 10,00849\dots$

„Въ самомъ дѣлѣ, тогда мы будемъ имѣть :

„100 прежнихъ работниковъ произведутъ, по 10,00849 возовъ каждый, 1000,849 возовъ.

„3 новые работника, трудъ которыхъ менѣ производителенъ по прежней пропорціи 100 : 103, произведутъ каждый по $10,00849 \times 100 : 103 = 9,717$ возовъ.

а всѣ трое вмѣстѣ . . . . . $3 \times 9,717 = 29,151$ „

Сумма производства 2 года будетъ $1000,849 + 29,151 = 1,030$ „

„Итакъ, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ способѣ пользованія имъ, или въ качествѣ посѣва, — великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорція продовольствія не уменьшалась при возрастаніи населенія?

„При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, т. е. при возрастаніи быстрѣе, нежели принимаетъ Мальтусъ¹⁾, нуженъ годичный размѣръ усовершенствованія = 0,000849, то есть менѣ, чѣмъ на одиннадцатую часть процента. Что жъ это такое, 849 десятичныхъ частей процента? Огромно ли это возрастаніе? Оно вотъ какво : въ пуду оно составляетъ нѣсколько больше $3\frac{1}{4}$ золотниковъ (3,2602 золотника); въ возу хлѣба, имѣющемъ 25 пудовъ, оно составляетъ $81\frac{1}{2}$ золотниковъ...

„Чтожь это за страшная прибавка? стоитъ ли пугаться ея? Неужели усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ идти такъ быстро (быстро!), чтобы въ теченіе нѣкой четверти вѣка улучшить земледѣльческіе способы на $2\frac{1}{7}\%$?²⁾ Увеличеніе на $2\frac{1}{7}\%$ процента въ цѣляхъ 25 лѣтъ — да вѣдь это почти совершенная неподвижность!

„Да, почти совершенная неподвижность. Безъ всякаго сомнѣнія, съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было въ европейской исторіи ни одного такого двадцатипятилѣтія, въ которомъ земледѣліе не совершенствовалось бы по пропорціи, болѣе быстрой. Много въ этой исторіи было эпохъ почти совершеннаго застоя общественныхъ улучшеній, но самые безотраднѣе, самые гнусные изъ этихъ періодовъ все-таки двигали земледѣліе впередъ быстрѣе, чѣмъ требовалось бы для уравновѣшенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ, для сохраненія земледѣльческому труду всей прежней производительности, при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ удвоилось бы каждыя 25 лѣтъ.“³⁾

¹⁾ При ежегодномъ возрастаніи въ 3%, черезъ 25 лѣтъ 10,000 человѣкъ населенія возрастаютъ до 20,988 человѣкъ; для того, чтобы число населенія удвоилось въ 25 лѣтъ, нужно принять ежегодную величину возрастанія только въ 2,81188...%.

²⁾ 1,000,849... въ 25-й степени даетъ 1,021,443..

³⁾ Тамъ же, стр. 202—210.

Далѣ Чернышевскій даетъ общую формулу размноженія, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшеній для различныхъ періодовъ удвоенія. Мы не станемъ приводить ее. Замѣтимъ только, что съ ея помощью онъ приходитъ къ самымъ поразительнымъ выводамъ. Оказывается, напримѣръ, что *при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія высота, до которой улучшенія должны поднять земледѣліе въ теченіе цѣлаго вѣка* равняется лишь 1,36958, принимая первоначальную высоту за единицу. „Напримѣръ: если въ 1860 г. земледѣлецъ, обрабатывающій четыре десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надо произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 г. также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ около 13³/₄ четвертей хлѣба. При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 г. не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротою, удваивающею число ихъ въ каждые 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія, постепенно будетъ являться на 4 десятинахъ, вмѣсто одного хлѣбопашца, 2 работника, потомъ 3, 4, и т. д., 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи, нѣсколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% за цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности попрежнему 10 четвертей на каждаго изъ обрабатывающихъ эти 4 десятины землепашцевъ“.*)

Повторяемъ, выводы эти до такой степени поразительны, что читатель отказывается вѣрить своимъ глазамъ. Онъ невольно возвращается назадъ, провѣряя доводы автора. Но доводы кажутся неотразимыми, умозаключенія, повидимому, совершенно логично вытекаютъ изъ посылокъ. Читатель сдаётся и проникается непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Чернышевскій окончательно опровергъ Мальтуса, подойдя къ вопросу съ такой стороны, съ какой къ нему не подходилъ никто изъ прежнихъ изслѣдователей. Это убѣжденіе очень распространено въ Россіи, гдѣ опроверженіе Мальтуса считается едва ли не самой важной и ужъ во всякомъ случаѣ самой безспорной изъ ученыхъ заслугъ нашего знаменитаго писателя. Посмотримъ, насколько правиленъ такой взглядъ.

Замѣтимъ прежде всего вотъ что: если бы арифметическія выкладки Чернышевскаго были совершенно правильны, то даже и въ этомъ случаѣ было бы еще сомнительно, опровергаютъ ли онѣ Мальтуса, или, точнѣе, того Мальтуса, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „Опыта“. Чернышевскій слишкомъ произвольно истолковываетъ арифметическую прогрессию Мальтуса. По его истолкованію выходитъ, что она выражаетъ собою лишь пониженіе производительности земледѣльческаго труда, неизбѣжно являю-

*) Тамъ же, стр. 211—115.

щееся въ томъ случаѣ, когда не происходитъ улучшеній въ земледѣліи. „Весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними. Обыкновенно предполагается, что если размноженіе людей будетъ происходить со всею возможною быстротою, то для этого уравновѣшенія потребуется размѣръ улучшеній слишкомъ громадный“*). Выкладки Чернышевскаго показываютъ противное. Но на чемъ же основываетъ онъ свое истолкованіе арифметической прогрессіи? Онъ говоритъ, что такъ „мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса“†). Но это еще недостаточное речательство. Обратимся лучше къ самому Мальтусу, т. е. опять таки къ тому Мальтусу, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „Опыта“, гдѣ идетъ рѣчь о прогрессіяхъ.

„Въ Англіи и Шотландіи много занимались улучшеніемъ земледѣлія, — читаемъ мы тамъ, — но и въ этихъ странахъ много есть еще невоздѣланныхъ земель. Разсмотримъ, до какой степени можетъ быть увеличено плодородіе этого острова *при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, какія только можно себя представить* (курсивъ нашъ). Если мы предположимъ, что при возможно хорошемъ правленіи и *при самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія* (курсивъ нашъ), произведенія почвы могутъ удвоиться на этомъ островѣ въ первыя двадцать пять лѣтъ, то вѣроятно мы перейдемъ за предѣлы возможнаго; такое предположеніе скорѣе превыситъ мѣру возрастанія количества произведеній, на какое мы могли бы благоразумно разсчитывать. Въ слѣдующіе двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по этому же закону, и чтобы по истеченіи этого второго періода плодородіе учетверилось; допустить это значило бы перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши понятія о производительности земли. *Улучшеніе бесплодныхъ участковъ* (курсивъ нашъ) требуетъ много труда и времени. Для человѣка, скольконибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное приращеніе средняго производства постоянно уменьшается съ нѣкотораго рода правильностью... Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается то же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, ибо и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратитъ всю почву острова въ одинъ роскошный садъ. Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ“ и т. д.††)

Мы не станемъ возвращаться теперь къ вопросу о томъ, насколько правъ Мальтусъ. Намъ нужно одно: выяснить, что собственно хочетъ онъ сказать въ приведенныхъ строкахъ. А на этотъ счетъ

*) Соч. Черн., т. III, стр. 205—206.

†) Тамъ же, стр. 205.

††) Опытъ, кн. I, гл. первая, стр. 100—101.

врядъ ли возможно сомнѣніе. Человѣкъ говоритъ о „самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія“; о самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, „какія только можно себѣ представить“; объ „улучшеніи бесплодныхъ участковъ“; объ обращеніи всей почвы острова (а затѣмъ и всего земного шара) „въ одинъ роскошный садъ“, — и при всемъ этомъ онъ не принимаетъ въ соображеніе усовершенствованій въ способахъ обработки земли; при всемъ томъ онъ предполагаетъ, что земледѣльческіе приемы останутся неизмѣнными въ теченіе тѣхъ „нѣсколькихъ столѣтій“, о которыхъ у него идетъ рѣчь? Нѣтъ, правъ или не правъ Мальтусъ, но въ данномъ случаѣ мысль его ясна: онъ хочетъ сказать, что земледѣльческій продуктъ будетъ увеличиваться лишь въ ариметической прогрессіи, *не смотря на всѣ тѣ улучшения, на которыя можетъ разсчитывать благоразумный человекъ*. При построеніи своей прогрессіи онъ принимаетъ (т. е., лучше сказать, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ) въ соображеніе вліяніе будущихъ улучшеній въ земледѣліи. Слѣдовательно, всѣ вычисленія Чернышевскаго оказываются излишними. Какъ бы они ни были правильны, они не могутъ опровергнуть „Мальтусовой теоремы“ по той простой причинѣ, что они основываются на неправильномъ истолкованіи этой теоремы.

Но главное дѣло въ томъ, что сами они *совершенно неправильны*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вдуматься въ ихъ основное положеніе. Сопоставляя прогрессію Мальтуса, Чернышевскій находитъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ“. Такъ ли это? Къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ.

Для удобства, выпишемъ снова анализированныя Чернышевскимъ прогрессіи.

Умноженіе людей	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64. . . .
Увеличеніе продукта . . .	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. . . .

Какъ великъ здѣсь „процентъ размноженія работниковъ или, — что то же*) — процентъ возрастанія общей цифры населенія? Мы рѣшительно не знаемъ этого, объ этомъ нѣтъ и рѣчи. „Процентъ размноженія работниковъ“ зависитъ отъ величины періода удвоенія населенія. При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія этотъ процентъ будетъ совсѣмъ не тотъ, что при 15-лѣтнемъ, или при 35-лѣтнемъ и т. д. Мальтусъ даетъ общую формулу, подъ которую должны подходить, по его мнѣнію, всѣ частные случаи. Если уже говорить о процентѣ увеличенія числа работниковъ, то мы должны выразиться такъ: въ концѣ cadaго послѣдующаго періода число работниковъ увеличивается на 100 проц., увеличеніе же продукта слѣдуетъ совсѣмъ другому закону: въ концѣ второго періода онъ увеличивается на 100 проц., въ концѣ 3-го на 50, въ концѣ 4-го на $33\frac{1}{3}$, въ концѣ 5-го на 25, въ концѣ 6-го на 20 и т. д. Значитъ ли это, что процентъ увеличенія числа работниковъ „служитъ процентомъ уменьшенія

*) То же — потому, что Чернышевскій предполагаетъ неизмѣннымъ отношеніе числа работниковъ-земледѣльцевъ къ общей цифрѣ населенія.

производительной силы труда прибывающих работников“? Далеко нѣтъ. Процентъ увеличенія числа работниковъ остается неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ процентъ уменьшенія производительной силы прибылыхъ работниковъ постоянно и очень быстро возрастаетъ. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или нашъ авторъ ошибается, или онъ не точно выражаетъ свою мысль. Мы сейчасъ увидимъ, какое изъ этихъ двухъ предположеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Одинъ новый работникъ, прибавившійся въ второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ пятаго періода и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1“. Таково то явленіе, которое нашъ авторъ хочетъ выразить въ одной общей формулѣ. Нужно это или не нужно — вопросъ другой, но разъ мы хотимъ найти такую формулу, приходится выразиться такъ: *во сколько разъ число прибывающихъ работниковъ каждаго даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность изъ труда меньше производительности труда прибывающихъ работниковъ второго періода*. Вотъ и все. Что же слѣдуетъ отсюда? Слѣдуетъ уже извѣстный намъ выводъ: процентъ увеличенія числа прибылыхъ работниковъ остается неизмѣннымъ, процентъ же уменьшенія ихъ производительной силы быстро растетъ. А это значитъ, что отождествлять эти два процента нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Ну, а что произойдетъ, если мы все таки отождествимъ ихъ, вопреки очевидности? Сообразить это очень нетрудно.

Процентъ размноженія не измѣняется, процентъ уменьшенія производительности труда быстро увеличивается. Отождествить эти два процента значитъ предположить, что производительность труда уменьшается далеко не такъ быстро, какъ это явствуетъ изъ разсматриваемыхъ нами прогрессій. Это будетъ совершенно произвольное предположеніе, кореннымъ образомъ измѣняющее условія задачи. Можетъ быть, предположеніе это и болѣе согласно съ фактами дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ, принимая его нельзя утверждать, что мы остаемся вѣрны смыслу „Мальтусовой теоремы“, и что „мы изложили ходъ вывода изъ Мальтусовыхъ прогрессій съ такою точностью, съ какою никогда не излагалъ его ни самъ Мальтусъ, никто изъ его послѣдователей“†). Мы изложили бы лишь ходъ вывода изъ условій, произвольно принятыхъ нами самими.

Уменьшеніе земледѣльческаго продукта опредѣляется уменьшеніемъ производительности труда прибылыхъ работниковъ ††). Предположивъ, что производительность труда уменьшается медленно, чѣмъ это явствуетъ изъ смысла прогрессій, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что и продуктъ уменьшается медленно, чѣмъ это показываетъ Мальтусова арифметическая прогрессія. Значитъ, и „дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ“ будетъ

† Чернышевскій, тамъ же, стр. 208.

†† То есть такъ происходитъ дѣло у насъ на бумагѣ; какъ происходитъ оно на практикѣ, это вопросъ другой, насъ здѣсь не касающійся.

меньше, чѣмъ говорить прогрессія. А въ такомъ случаѣ и размѣръ улучшеній, необходимыхъ для устраненія этого дефицита, окажется далеко не такъ великъ, какъ можно было думать, сопоставляя геометрическую прогрессію съ арифметической. Слѣдовательно, намъ остается только вычислить этотъ размѣръ, принимая различныя „проценты размноженія работниковъ“ (иначе сказать, различные періоды удвоенія населенія), чтобы противопоставить, затѣмъ результаты нашего „правильнаго счета“ результатамъ „фальшиваго счета“ Мальтуса. Въ сущности подобное противопоставленіе доказывало бы лишь ту старую истину, что, исходя изъ неодинаковыхъ посылокъ, люди получаютъ неодинаковыя выводы. Но мы, *незамѣтно для себя*, измѣнивъ условія задачи, будемъ думать, что мы опровергли Мальтуса, строго держась прямого смысла его собственной „теоремы“.

Но это еще не все. Мало того, что Чернышевскій считаетъ *неизмѣннымъ быстро увеличивающійся* процентъ уменьшенія производительности труда, т. е., иначе сказать, принимаетъ *переменную* величину за *постоянную*, — сама эта мнимо-постоянная величина оказывается у него несравненно меньшей, чѣмъ она должна быть по смыслу „Мальтусовой теоремы“. Процентъ размноженія людей по самымъ преувеличеннымъ расчетамъ не можетъ превышать 7 (при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія онъ нѣсколько меньше *шести*). По смыслу же „Мальтусовой теоремы“ производительность труда уже въ третьемъ періодѣ уменьшается на 50 процентовъ (это знаетъ и Чернышевскій: „1 новый работникъ... во второмъ періодѣ увеличивается... продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1“). Согласитесь, что это большая разница, и что ея совершенно достаточно для объясненія тѣхъ поразительныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Чернышевскій. Повторяемъ, мы говоримъ не о томъ, соотвѣтствуютъ, или не соотвѣтствуютъ его предположенія экономической дѣйствительности (объ этомъ онъ и самъ ничего не говорилъ); мы утверждаемъ только, что они совершенно противорѣчатъ смыслу „Мальтусовой теоремы“ (а онъ думалъ, что они совершенно вѣрны ему, и также думали всѣ тѣ, которые считали доводы Чернышевскаго неопровержимыми).

Если процентъ возрастанія числа работниковъ (а слѣдовательно и всего населенія) равенъ проценту уменьшенія производительности труда прибылыхъ работниковъ, то нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить размѣры необходимыхъ улучшеній. Положимъ, что населеніе удваивается каждыя 12 лѣтъ. Процентъ размноженія равняется въ этомъ случаѣ: 5,94631. Сообразно съ этимъ и производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ правильно уменьшаться на 5,94631 процента. Далѣе уже самое несложное вычисленіе даетъ намъ искомый процентъ улучшеній. По вышеуказаннымъ причинамъ онъ будетъ очень незначителенъ. А между тѣмъ, мы, повидимому, сдѣлали своимъ противникамъ самую крайнюю уступку: 12-лѣтній періодъ удвоенія населенія совсѣмъ уже невѣроятенъ. Но дѣло въ томъ, что какъ ни великъ при этомъ процентъ размноженія, — а слѣдовательно и ослабленія производительности труда, — эта послѣд-

няя все таки падаетъ медленно, чѣмъ она должна была бы падать при дѣйствительно „правильномъ счетѣ“. Чернышевскій считаетъ, что при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія высота, до которой должно подняться земледѣліе въ теченіе столѣтія, не превышаетъ 1,36958 процента. Мы не станемъ провѣрять, вѣрно ли сдѣланъ его расчетъ. Допустимъ, что вполне вѣрно. Но не забудемъ, что, по его предположенію, процентъ уменьшенія производительности труда равняется лишь 5,94631 (т. е. проценту размноженія). А то ли выйдетъ при дѣйствительно „вѣрномъ счетѣ“? Уже въ теченіе 96 лѣтъ населеніе увеличится въ 16 разъ. Посмотримъ, какъ велика будетъ производительность труда прибылыхъ работниковъ черезъ 48 лѣтъ, или въ 4-мъ періодѣ. *Во сколько разъ число прибылыхъ работниковъ каждого даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность ихъ труда меньше производительности труда прибылыхъ работниковъ второго періода.* Число работниковъ, прибывшихъ въ 4-мъ періодѣ вчетверо больше числа прибылыхъ работниковъ второго періода. Слѣдовательно, производительность труда прибылыхъ работниковъ 4-го періода вчетверо меньше, чѣмъ производительность труда работниковъ, прибывшихъ во второмъ. Въ пятомъ періодѣ оно будетъ въ восемь разъ меньше. Согласитесь, что это очень далеко отъ неизмѣннаго процента, который принятъ Чернышевскимъ (5,94631) и который казался результатомъ крайне преувеличеннаго предположенія (удвоенія населенія въ 12 лѣтъ).

Но неужели Чернышевскій дѣйствительно разсуждаетъ вышеизложеннымъ образомъ? Да, помилуйте, чего же вы хотите, вѣдь онъ самъ заявляетъ это, приступая къ своимъ вычисленіямъ: „Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или... проценту возрастанія населенія“†). А можетъ быть, онъ все таки отклонился отъ своего принципа? Да, отклонился; вы сейчасъ увидите въ какую сторону.

Въ первомъ, происходящемъ такъ сказать на глазахъ у читателя, примѣрномъ расчетѣ Чернышевскаго процентъ размноженія принимается равнымъ 3. Сообразно съ этимъ и процентъ уменьшенія производительности труда долженъ быть также равенъ 3. Число землешцевъ равняется 100, а производитъ каждый изъ нихъ по 10 возовъ хлѣба. Расчетъ ведется погодно. Спрашивается, сколько хлѣба произведетъ каждый прибылой работникъ 2-го года? По смыслу нашихъ условій онъ долженъ произвести 9,7 воза. У Чернышевскаго онъ производитъ 9,7087, т. е. нѣсколько больше. Откуда эта разница? А вотъ откуда. Мы разсчитываемъ такъ: каждый работникъ производилъ прежде по 10 возовъ; производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше. Три процента отъ десяти равняется 0,3. Вычтя эту дробь изъ 10, мы получаемъ 9,7, — цифра, которой и выражается производительность труда каждого новаго

† Тамъ же, стр. 208.

работника 2-го года. Чернышевскій разсуждаетъ иначе. Прежде было 100 работниковъ, теперь стало 103. „Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго какъ 100 къ 103... изъ этого мы получаемъ: $X = 9,7087$ “†). Правильно ли это разсужденіе, согласно ли оно съ условіями задачи? Когда мы говоримъ, что процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, мы хотимъ сказать, что *на сколько* процентовъ увеличится населеніе, *на столько* процентовъ уменьшится производительность труда. А когда мы говоримъ, что производительность труда однихъ работниковъ относится къ производительности труда другихъ какъ такое-то число къ такому-то, мы опредѣляемъ, *во сколько* разъ одна производительность больше другой. *На сколько* 2 меньше 3, *на столько* 3 меньше 4. Можно ли выразить это такой пропорціей: $2 : 3 = 3 : 4$? Ясно, что нѣтъ, потому что двѣ трети не равны тремъ четвертямъ. Иное дѣло *арифметическая* пропорція, иное дѣло пропорція *геометрическая*. Чернышевскій сначала говоритъ, что онъ будетъ держаться первой (*на сколько* процентовъ населеніе второго года больше населенія перваго года, *на столько* процентовъ производительность труда прибылыхъ работниковъ меньше и т. д.), а потомъ неожиданно переходитъ ко второй. Какъ вліяетъ это на ходъ его вычисленій? Уменьшеніе производительности труда оказывается еще болѣе слабымъ, чѣмъ было оно при разобранномъ выше ошибочномъ предположеніи относительно равенства двухъ извѣстныхъ читателю процентовъ. Это видно уже изъ вышеприведенныхъ цифръ. И чѣмъ больше процентъ размноженія, тѣмъ замѣтнѣе дѣйствіе этой ошибки††). Другими словами, чѣмъ больше та уступка, которую дѣлаетъ Чернышевскій своимъ противникамъ, тѣмъ болѣе помогаетъ ему его вторая ошибка ослабить логическое слѣдствіе этой уступки, хотя, разумѣется, дѣйствіе второй ошибки несравненно слабѣе дѣйствія первой.

Еще одно замѣчаніе. Допустимъ, что указанныхъ ошибокъ не существуетъ; допустимъ, что по смыслу Мальтусовой „теоремы“, процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, и вернемся къ примѣрному разсчету Чернышевскаго. Въ первомъ году у насъ было 100 работниковъ, во второмъ ихъ оказывается уже 103. Производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше прежней производительности. Иначе, повидимому, и быть не можетъ. Но это только повидимому. Какъ распредѣляются прибылые работники по земельнымъ участкамъ? Это, конечно, зависитъ отъ обстоятельствъ. Прежде каждый работникъ воздѣлывалъ 4 десятины, а каждые два работника воздѣлывали участокъ въ 8 десятинъ. Новые работники распредѣлились, положимъ,

† Тамъ же, стр. 208—209.

†† Чернышевскій въ своемъ разсчетѣ не разъ смѣшиваетъ понятіе—„*во сколько*“ съ понятіемъ „*на сколько*“. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „производительность труда... въ этомъ году должна подняться *на столько* выше прежней своей величины, *на сколько* требуемый сборъ“ и такъ далѣе, и вслѣдъ за тѣмъ строятъ геометрическую пропорцію (тамъ же, стр. 209).

такъ, что на трехъ 8-десятинныхъ участкахъ теперь работаетъ уже по три, а не по два человѣка, какъ это было прежде. На этихъ участкахъ „размноженіе“ работниковъ будетъ равно 50 процентамъ. Слѣдовательно, производительная сила ихъ уменьшится *на половину*. Каждый изъ нихъ производитъ только 5 возовъ хлѣба, а не 9,7, какъ предполагалось раньше. Сообразно съ этимъ увеличится дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ, а слѣдовательно и размѣръ необходимыхъ улучшеній. Но въ такомъ случаѣ выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій въ своихъ вычисленіяхъ, потеряли бы всякую убѣдительность, если бы даже и были отновательны.

Смѣшно было бы ставить въ вину экономисту случайную ошибку, закрывшуюся въ его примѣрный, пояснительный расчетъ. Отъ подобныхъ ошибокъ, происходящихъ отъ недосмотра, не застрахованы и гениальнѣйшіе спеціалисты — математики. Но когда къ подобнымъ выкладамъ сводится весь „методъ“ экономиста, (а къ нимъ именно и сводится „гипотетическій“ или „математическій“ методъ Чернышевскаго), тогда дѣло принимаетъ другой оборотъ. Тогда остается одно изъ двухъ: или жалѣть о томъ, что экономистъ невнимательно примѣняетъ свой методъ (потому что его математическія ошибки вліяютъ на его выводы, которые не только *поясняются* съ помощью примѣрныхъ выкладокъ, а *цѣликомъ вытекаютъ* изъ нихъ), или посоветовать ему держаться другого, болѣе научнаго и потому болѣе плодотворнаго метода.†)

IV.

Взглядъ Чернышевскаго на „размноженіе людей“ уже гораздо свободнѣе отъ ошибокъ, хотя и онъ, конечно, совсѣмъ не чуждъ общаго недостатка всѣхъ социальнo-политическихъ взглядовъ нашего автора: *крайней отвлеченности*. Въ сущности весь вопросъ сводится Чернышевскимъ къ фізіологической возможности болѣе или менѣе быстраго размноженія человѣческаго рода. „О чемъ собственно идетъ дѣло? спрашиваетъ онъ. О такомъ ли числѣ рожденій, къ достиженію котораго можетъ быть принужденъ человѣческій организмъ внѣшнимъ насиліемъ, или о такомъ числѣ рожденій, которое было бы естественнымъ послѣдствіемъ отстраненія всякихъ задержекъ размноженію со стороны нужды? Извѣстно, что всякое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, можетъ быть принуждаемо насиліемъ къ дѣятельности, превышающей нормальную его силу... Организмъ женщины можетъ быть принуждаемъ къ рожденію количества дѣтей, превышающаго ея силы; но... это не будетъ благопріятно быстротѣ

---

†) При провѣркѣ математическихъ доказательствъ Чернышевскаго намъ оказала большую услугу одянь нашъ другъ-математикъ, котораго мы не называемъ страха ради полицейска, свидѣтельствуя ему, однако, здѣсь свою благодарность.

размноженія. Изнуренная мать будетъ рождать младенцевъ, лишенныхъ способности жить. При томъ же подобное положеніе женщины возможно лишь при грубости нравовъ, т. е. при невѣжествѣ, т. е. при дурномъ положеніи общества, неблагоприятномъ размноженію. Мы, конечно, ищемъ не того, какое число дѣтей можетъ родиться въ условіяхъ, неблагоприятныхъ размноженію, — мы хотимъ знать, какой процентъ рожденій можетъ быть въ обществѣ при существованіи всѣхъ благоприятнѣйшихъ для размноженія условій“.*)

Бѣдность и грубость нравовъ имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводитъ ихъ цифру до величины, которой они не достигли бы при благосостояніи и смягченныхъ нравахъ. Въ большинствѣ европейскихъ странъ число рожденій колеблется (вѣрнѣе сказать, колебалось, потому что Чернышевскій писалъ 30 лѣтъ тому назадъ) между 35 и 40 рожденій на 1,000; до 45 оно доходитъ лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, выше 45 оказывается лишь въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не достовѣрны, и, наконецъ, до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько нибудь заслуживающая довѣрія†). Чернышевскій считаетъ 40 рожденій на 1000 человекъ „за самую высшую цифру, каковая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго изнуренія физическихъ силъ женщинъ въ населеніи неразмножающемся; въ населеніи размножающемся быстро, цифра эта будетъ меньше“ (такъ какъ меньше будетъ относительное число взрослыхъ людей въ обществѣ составѣ населенія). Съ улучшеніемъ положенія женщины число рожденій опустится ниже 40 на 1000. Процентъ размноженія получается вычитаніемъ числа умирающихъ изъ числа рождающихся. Вѣроятное число рожденій намъ извѣстно; какова же вѣроятная смертность? По мнѣнію нашего автора „наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможномъ благосостояніи въ нынѣшнемъ обществѣ, простирается до 20 на 1000, а наименьшая смертность между людьми, имѣющими болѣе 5 лѣтъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47 (1,4724) процента и ни въ какомъ случаѣ не меньше 1,24 (1,2425) процента“ .††)

* Т. III, стр. 227—228.

† Цифры заимствуются Чернышевскимъ изъ „Elements de statistique humaine“ Гильяра.

†† Т. III, стр. 236. Цифры эти Чернышевскій получаетъ такимъ образомъ. Исслѣдованія англійскаго статистика Чедвина показываютъ, что изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя 5 лѣтъ умираетъ 20 процентовъ. Эту смертность Чернышевскій считаетъ наименьшею, каковая только возможна во самому устройству человѣческаго организма, такъ какъ англійскіе землевладѣльцы, не терпя никакихъ матеріальныхъ лишеній, славятся въ то же время заботливостью и рациональностью въ физическомъ воспитаніи своихъ дѣтей. Что касается наименьшей смертности между людьми старше 5 лѣтъ, она опредѣляется нѣсколько болѣе сложнымъ приемомъ. Во Франціи, по Гильяру, изъ 1000 дѣтей, недостигшихъ пятилѣтняго возраста, умерло 274. Такъ какъ нормальная смертность равняется 200, то 74 смерти оказываются слѣдствіемъ нужды. Нельзя думать, чтобы пропорція *лишнихъ смертей* была больше этой цифры между умершими старше 5 лѣтъ. Чернышевскій полагаетъ, напротивъ, что она будетъ вдвое меньше, что „на одну лишнюю смерть выше пяти лѣтъ приходится двѣ лишніи смерти между младенцами“. Но на всякій случай онъ дѣлаетъ двойной расчетъ, опредѣляя относительное число *лишнихъ смертей* какъ въ

На основаніи этихъ крайнихъ предѣловъ наибольшаго числа рожденій и наименьшаго числа смертей „въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не была бы причиною ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рожденія“, Чернышевскій находитъ, „что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ — чистая химера, происшедшая только отъ забвенія о дѣйствительно-возможномъ наибольшемъ числѣ рожденій, и что даже періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, казаншійся Мальтусу самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ вѣроятныхъ, долженъ считаться, напротивъ того, неправдоподобно-краткимъ. На самомъ дѣлѣ, періодъ удвоенія едва ли меньше, а по всей вѣроятности больше 35 лѣтъ“. Но это при нынѣшнихъ обычаяхъ, поднимающихъ процентъ рожденій выше естественной нормы. „Смягченіе нравовъ ведетъ къ удлинненію періода удвоенія и мы не имѣемъ предѣла, о которомъ можно было бы сказать, что при извѣстномъ смягченіи нравовъ онъ не окажется все еще слишкомъ коротокъ; напротивъ, есть основаніе думать, что при устраненіи нынѣшней грубости семейныхъ отношеній дѣйствіемъ распространяющагося просвѣщенія, размноженіе прекратится, и число населенія станетъ увеличиваться лишь вслѣдствіе общественной необходимости въ томъ; а когда надобности въ томъ не будетъ, не будетъ и размноженія. Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что можно сомнѣваться въ томъ, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населенія, если онъ не возбуждается тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, т. е. расчетомъ пользы“.†)

Мальтусъ считалъ возможными очень короткіе періоды удвоенія; поэтому онъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ право говорить, что населеніе не поможетъ бѣдѣ, происходящей отъ излишняго размноженія: при 20-лѣтнемъ періодѣ удвоенія процентъ размноженія равняется 3,6; если при такомъ размноженіи будетъ эмигрировать ежегодно 1,5 процента населенія, то все таки останется ежегодное приращеніе въ 2,1 процента, при чемъ населеніе удвоится въ 33 года. Совершенно иное дѣло, когда періоды удвоенія, — какъ это мы видѣли изъ предыдущаго — оказываются, по свойствамъ человѣческаго организма, гораздо болѣе длинными, чѣмъ думалъ Мальтусъ. Тогда эмиграція должна быть признана могучимъ средствомъ борьбы съ перенаселеніемъ. Благодаря ей, періоды удвоенія населенія остающагося въ странѣ, могутъ быть удлиннены до цифръ, на первый взглядъ кажущихся совершенно невѣроятными. По обыкновенію, Чернышевскій поясняетъ свою мысль примѣрнымъ расчетомъ, и, — какъ не рѣдко случается у него — расчетъ не совсѣмъ точенъ††). Впрочемъ, въ

томъ предположеніи, что между взрослыми ихъ не меньше, чѣмъ между дѣтьми, такъ и въ томъ, что взрослый организмъ вдвое лучше дѣтскаго сопротивляется убійственному вліянію лишеній. Расчетъ ведется имъ на основаніи статистическихъ данныхъ о смертности во Франціи. Найдя число *лишнихъ смертей*, Чернышевскій безъ труда получаетъ процентъ *нормальной смертности*.

† Т. III, стр. 243.

†† Такъ, Чернышевскій находитъ, что эмиграція, доходящая до 1,5 процента населенія въ обществѣ, число гражданъ котораго удваивалась прежде черезъ 52,6 года, удлиннитъ періодъ удвоенія до 894,8 лѣтъ. Между тѣмъ, изъ его же таблицы видно,

данномъ случаѣ это не важно. Чернышевскій самъ не придаетъ значенія полученнымъ имъ цифрамъ, „явно смѣющимся надъ нами и своею огромностию, превышающею всякій расчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіею на точность“. Цифры эти убѣждаютъ не частностями, а общимъ своимъ смысломъ. Онѣ „говорятъ намъ : не бойтесь ; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ, — опровергнуть насъ нельзя ; но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ, — неужели вы думаете мѣрять далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства ? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы ? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ“...†)

Нужно ли входить въ подробный разборъ доводовъ Чернышевскаго ? Мы считаемъ это излишнимъ. Мы только повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ того, что взглядъ его на размноженіе людей имѣетъ, какъ и всѣ его соціально-политическіе взгляды, крайне отвлеченный характеръ. Какъ должно было отражаться это обстоятельство на его изслѣдованіи, понятно само собою. Оно дѣлало его мало убѣдительнымъ. Тамъ, гдѣ надо было бы внимательнѣе всмотрѣться въ окружающую дѣйствительность, Чернышевскій довольствовался формальной правильностью своихъ силлогизмовъ. Но формальная правильность силлогизма еще не ручается за вѣрность вывода. Все зависитъ отъ посылокъ. Посылки же Чернышевскаго строились обыкновенно на нѣсколькихъ цифрахъ, часто очень остроумно истолкованныхъ, но далеко не исчерпывавшихъ всего разнообразія разсматриваемыхъ явленій. Поэтому и возраженія его Мальтусу могутъ считаться скорѣе образчикомъ *полемиической находчивости* (не чуждой, какъ мы видѣли, большой доли *опрометчивости*), чѣмъ *научнаго разсмотрѣнія* предмета. Вотъ, напр., — окончательный выводъ Чернышевскаго не подлежитъ сомнѣнію : не законы природы, а взаимныя отношенія людей, общественныя отношенія причиняютъ бѣдность рабочаго класса. Но когда рѣчь заходитъ о точномъ указаніи тѣхъ сторонъ современныхъ общественныхъ отношеній, которыя причиняютъ такъ называемое перенаселеніе, разсужденія нашего автора дѣлаются довольно сбивчивыми. Мы видѣли, что въ главѣ о прибавочной стоимости (или „прибыли“) онъ приписывалъ обѣдненіе рабочаго класса стремленію этой стоимости расти по геометрической прогрессіи. Въ главѣ о „*дѣйствительномъ источникѣ дефицита въ земледѣльчeskомъ продуктѣ*“ и объ „*истинномъ смыслѣ Мальтусовой теоріи*“ онъ обращаетъ вниманіе на два другія обстоятельства, именно : „на отношеніе основнаго капитала къ прибыли“ и на „пропорцію земледѣльческаго населенія въ общемъ составѣ населенія“.

что первоначальный процентъ размноженія въ такомъ обществѣ равнялся бы лишь 1,3275. При эмиграціи, процентъ которой превышаетъ первоначальный процентъ размноженія, въ населеніи явится убыль, а потому оно никогда не удвоится, если не измѣнится положеніе дѣлъ.

† Т. III, стр. 240—242.

Съ увеличеніемъ населенія производительность труда, прилагаемаго къ землѣ, падаетъ. Для избѣжанія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ требуются улучшения въ способахъ обработки земли. Чернышевскій старался доказать, что процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ, и что съ этой стороны человѣчеству опасаться нечего. Но въ своихъ вычисленіяхъ онъ принималъ неизмѣннымъ отношеніе земледѣльцевъ къ общему составу населенія. Съ измѣненіемъ этого отношенія, съ уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ“, — процентъ улучшеній, необходимыхъ для покрытія дефицита, быстро возвышается. А это значитъ, что людямъ все труднѣе и труднѣе становится бороться съ дефицитомъ. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что улучшения уже не покрываютъ дефицита. Именно это мы и видимъ въ исторіи всѣхъ прогрессирующихъ странъ. По мѣрѣ развитія цивилизаціи городское и вообще неземледѣльческое населеніе увеличивается насчетъ сельскаго, земледѣльческаго. Отъ земледѣлія отнимается больше рукъ, чѣмъ это допускается успѣхами земледѣльческаго искусства. Отсюда — недостатокъ продовольствія, который несомнѣнно существуетъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ. „Мальтусъ былъ правъ, говоря, что съ размноженіемъ населенія является непобѣдимый никакими земледѣльческими улучшениями дефицитъ земледѣльческаго продукта, дефицитъ, производящій нищету съ ея послѣдствіями. Мальтусъ ошибся только тѣмъ, что остановился на одновременности этихъ двухъ явленій и голословно назвалъ одно изъ нихъ причиною другого, между тѣмъ какъ связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходятъ они не одно изъ другого, а каждое имѣетъ свою особенную причину“.†)

Если бы мы имѣли дѣло съ рабовладѣльцемъ, ведущимъ натуральное хозяйство, то, разумѣется, обнаружившійся у него недостатокъ хлѣба могъ бы найти совершенно удовлетворительное объясненіе въ несоразмѣрномъ уменьшеніи „пропорціи земледѣльцевъ“. Но и тогда надобно было бы все таки спросить себя, — точно ли недостатаетъ хлѣба у хозяина? Можетъ быть, онъ ссылается на недостатокъ хлѣба единственно затѣмъ, чтобы оправдать свою жадность, не позволяющую ему кормить рабовъ до-сыта. Въ капиталистическомъ же хозяйствѣ всѣ явленія несравненно болѣе сложны, и, именно благодаря своей сложности, они очень плохо объясняются отвлеченными соображеніями того или другого рода.

Тутъ намъ припоминается Рикардо, котораго Чернышевскій такъ горячо защищалъ отъ нападокъ Кэри. Попросимъ Рикардо объяснить намъ, что произойдетъ въ случаѣ недостатка хлѣба, вызываемаго уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ“.

Если хлѣба мало по той причинѣ, что слишкомъ мало число рукъ, занимающихся его производствомъ, — отвѣтитъ намъ Рикардо, — цѣна хлѣба поднимется, и это привлечетъ къ земледѣлію новыя капиталы, то есть, слѣдовательно, и новыя рабочія руки: „пропорціи земледѣльцевъ“ будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не при-

† Тамъ же, стр. 257.

метъ надлежащихъ, размѣровъ, опредѣляемыхъ спросомъ на хлѣбъ. Въ земледѣліи, какъ и вездѣ, „пропорція“ работниковъ зависитъ не отъ чего иного, какъ именно отъ спроса на ихъ издѣлія. Я подробно объяснилъ это въ своей „Политической Экономіи“. Впрочемъ, это хорошо знали *раньше* меня и никогда не оспаривали *послѣ*.

Къ тому же,—прибавить, пожалуй, Рикардо,—очень ошибаются тѣ, которые считаютъ, что количество хлѣба, производимаго въ странѣ, должно увеличиваться по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣльческаго труда; другими словами, по мѣрѣ возрастанія процента улучшеній, совершающихся въ земледѣльской техникѣ. Въ дѣйствительности вполнѣ возможно *обратное* явленіе: количество производимаго хлѣба будетъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія производительности труда. Въ данной странѣ, имѣющей данную „пропорцію земледѣльцевъ“, произошло „улучшеніе земледѣльческихъ способовъ“, позволяющее уменьшить на половину число рукъ, требующихся для обработки каждой десятины. Половина рукъ остается безъ работы. Не имѣя работы, они не имѣютъ возможности покупать хлѣбъ. Слѣдовательно, потребленіе хлѣба *сокращается*, и сокращается благодаря именно улучшенію земледѣльческихъ способовъ; сокращеніе же потребленія хлѣба ведетъ къ новому сокращенію производства. Если дефицитъ въ земледѣльскомъ продуктѣ опредѣлять числомъ голодныхъ желудковъ, существующихъ въ данной странѣ, то и выйдетъ, что *дефицитъ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда*.

Это прекрасно зналъ и Мальтусъ. „Небольшая ферма въ Керри†) способна, можетъ быть, прокормить большую семью, имѣющую нѣсколькихъ взрослыхъ работниковъ. Но работа на фермѣ требуетъ очень немногихъ рукъ; женщины исполняютъ большую часть этой работы. Работа, выпадающая на долю мужчинъ, такъ невелика, что не составитъ въ общемъ счетѣ и одного дня въ недѣлю“††.) На маленькой фермѣ слѣдствіемъ этого является, по Мальтусу, праздность мужчинъ; но онъ понималъ, что на большихъ, *капиталистическихъ* фермахъ дѣло происходитъ иначе: излишнія руки изгоняются. Именно по этому-то поводу онъ и замѣчаетъ, что „*способность прокормить работниковъ можетъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе сдѣлать это*“.

Конечно, можно сказать, что улучшеніе земледѣлія даетъ возможность начать или усилить вывозъ хлѣба за-границу, а вывозъ хлѣба за-границу позволить удержать при землѣ прежнее число работниковъ. Но, во-первыхъ, это возраженіе сводилось бы къ старой пѣснѣ о томъ, что введеніе машинъ не ухудшаетъ положенія работниковъ. Чернышевскій не сталъ бы пѣть эту пѣсню. А кромѣ того, если бы при землѣ и осталось прежнее количество рукъ, то вѣдь потребленіе хлѣба *сравнительно съ производствомъ его* все-таки сократи-

---

† То есть ферма, обрабатываемая самими арендаторами, а не капиталистическая ферма.

†† Principles, t. II, p. 95.

лось бы весьма, значительно. Можетъ быть и нельзя было бы вывозить хлѣбъ за-границу, если бы мы рѣшились кормить до-сыта всѣхъ тѣхъ, которые живутъ у насъ въпроголодь. Но вѣдь у этихъ людей нѣтъ денегъ, ихъ потребности не имѣютъ ничего общаго съ „*дѣйствительнымъ*“ спросомъ на хлѣбъ. А въ буржуазномъ обществѣ только этотъ спросъ и принимается въ соображеніе.

Изъ Россіи при обыкновенномъ урожаѣ вывозится много хлѣба за-границу; до абсолютнаго „дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ“ при такихъ условіяхъ очень далеко. Но это не мѣшаетъ голодать русскимъ крестьянамъ, не мѣшаетъ существованію *относительнаго* дефицита.

Итакъ, въ вопросѣ о современной нищетѣ съ ея послѣдствіями „пропорція земледѣльцевъ“ ровно ничего не объясняетъ. Сама эта пропорція опредѣляется спросомъ на хлѣбъ. Спросъ опредѣляется распредѣленіемъ покупательной силы. Распредѣленіе покупательной силы зависитъ, во-первыхъ, отъ отношенія между заработной платой и прибавочной стоимостью, а во-вторыхъ, — отъ того, какъ раздѣляется прибавочная стоимость между различными слоями эксплуататоровъ и непродуцительныхъ работниковъ. Наконецъ, отношеніе между заработной платой и прибавочной стоимостью, по мѣрѣ увеличенія производительности труда, все болѣе и болѣе измѣняется *въ ущербъ* работникамъ, а не *въ пользу ихъ*, какъ этого можно было бы ожидать на основаніи разсужденій Чернышевскаго.

Ссылка на „пропорцію земледѣльцевъ“ такъ же мало убѣдительна, какъ и извѣстная читателю мысль Чернышевскаго о причинахъ сравнительно медленнаго усовершенствованія земледѣлія: отъ недостатка хлѣба страдаютъ только бѣдняки; современная же наука въ большинствѣ случаевъ направляетъ свои изслѣдованія лишь сообразно нуждамъ высшихъ классовъ*). Читатель знаетъ, до какой степени плохо выражаетъ эта отвлеченная мысль дѣйствительный смыслъ конкретнаго явленія.

Посмотримъ теперь, какая связь существуетъ между нищетой и „отношеніемъ основнаго капитала къ прибыли“.

„Земледѣльческое улучшеніе, подобно всякому другому техническому улучшенію, состоитъ, главнымъ образомъ, въ увеличеніи основнаго капитала. Мы видѣли у Милля, что основнаго капиталъ... обыкновенно возрастаетъ не иначе, какъ обращеніемъ въ капиталъ прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отдѣляются фактически отъ рабочей платы, обращаются въ капиталъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, если процентъ дохода представляетъ достаточную привлекательность для человѣка, желающаго жить не рабочею платою, а доходомъ съ капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращенію прибыли и ренты въ капиталъ, различна въ разныхъ странахъ; но не бывало никогда примѣровъ, чтобы она спускалась ниже 2%, — обыкновенно стоитъ она гораздо выше

---

*) См. нашу третью статью о Чернышевскомъ, „Соц.-Дем.“, кн. 3, отд. I, стр. 105—108.

даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Между тѣмъ для націи была бы выгодна затрата капитала на земледѣльческія улучшенія для покрытія дефицита въ продуктѣ, хотя бы доходъ составлялъ несравненно меньшую, въ нѣсколько десятковъ разъ меньшую пропорцію къ затраченному капиталу. Такимъ образомъ очень часто можетъ представляться для націи надобность въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, которыя давали бы на затраченный капиталъ гораздо меньше дохода, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по причинѣ дохода отъ нея для людей, живущихъ рентою или прибылью, а не рабочею платою. Въ такихъ случаяхъ рента и прибыль не обращаются въ капиталъ, а потребляются непроизводительнымъ образомъ, и остаются не произведены тѣ земледѣльческія улучшенія, какія были бы нужны для предотвращенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.“*)

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что когда между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, пользованіе этими силами никогда не можетъ дойти до такихъ размѣровъ, до какихъ дошло бы оно въ коммунистическомъ обществѣ. Это зналъ, какъ мы видѣли, самъ Мальтусъ. Но—странное дѣло!—буржуа Мальтусъ высказывалъ по этому поводу мысли во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности, чѣмъ социалистъ Чернышевскій. У Чернышевскаго выходитъ, что капиталистическій строй можетъ оказаться препятствіемъ для распространенія земледѣлія на новые участки только въ томъ случаѣ, когда производительность труда на этихъ участкахъ будетъ значительно *ниже, чѣмъ на старыхъ*. При томъ же Чернышевскій говоритъ только о земледѣльческомъ трудѣ. Мальтусъ ставитъ вопросъ шире и отвѣчаетъ на него правильнѣе. По мнѣнію Мальтуса, уже извѣстному читателю, *каковы бы ни были производительныя силы—въ земледѣліи и въ другихъ отрасляхъ производства—онѣ употребляются въ дѣло лишь тогда, когда капиталистъ надѣется получить достаточную прибыль†*). Это огромная разница. Во время переполненія рынковъ капиталисты сокращаютъ производство, потому что оно не окупило бы даже сдѣланныхъ на него затратъ. Периодическое переполненіе рынковъ принимаетъ тѣмъ болѣе внушительные размѣры, *чѣмъ болѣе развиваются производительныя силы*. Слѣдовательно, *чѣмъ болѣе развиваются эти силы, тѣмъ болѣе серьезнымъ препятствіемъ является капиталистическій строй для ихъ примѣненія*. Это выводъ, какъ разъ обратный выводу Чернышевскаго.

Обратите вниманіе на примѣръ, съ помощью котораго нашъ авторъ доказываетъ справедливость своей мысли.

Общество имѣетъ 10,000 человѣкъ населенія или 2,000 семействъ съ 2,000 мужчинъ. Половина этихъ послѣднихъ обрабатываетъ землю, остальные частью занимаются другими отраслями производительнаго труда, частью предаются труду непроизводительному, а частью посвящаютъ свое время эксплуатаціи ближняго (землевладѣльцы и ка-

*) Т. III, стр. 274.

†) Principles, t. II, p. 121. Подлинныя слова Мальтуса приведены нами во второй главѣ.

питалисты). На продовольствіе нужно по 4 четверти на человѣка, а 1,000 земледѣльцевъ производить 40,000 четвертей, по 40 четвертей каждый. Рента и прибыль составляютъ четвертую часть продукта, т. е. 10,000 четвертей. Остальные 30,000 составляютъ рабочую плату, по 30,000 четвертей на работника*). Такъ обстоитъ дѣло въ первомъ году. Въ слѣдующемъ году, благодаря размноженію населенія, въ земледѣльческомъ продуктѣ оказывается недочетъ, доходящій до 16 четвертей, т. е. выходитъ, что недостаетъ продовольствія для 4 человѣкъ. Необходимы улучшения. Необходимы — съ точки зрѣнія людей, нуждающихся въ продовольствіи, но не съ точки зрѣнія капиталистовъ. У тѣхъ свои расчеты. Съ ихъ точки зрѣнія „дѣло зависитъ отъ того, какое количество труда нужно для производства улучшеній, дающихъ въ продуктѣ увеличеніе на 16 четвертей“. Положимъ, что для покрытія недочета надо осушить небольшой участокъ. Для этого потребуется годичный трудъ 2 работниковъ. На ихъ наемъ надо затратить 60 четвертей (по 30 на каждого, согласно вышеприведенному предположенію). Слѣдовательно, затрата капитала равняется 60 четвертямъ. Обращеніе ихъ въ основной капиталъ дастъ 16 четвертей дохода. „Нѣтъ ни одного разсудительнаго землевладѣльца или капиталиста въ Европѣ, который съ радостью не сдѣлалъ бы такого улучшенія. *Если бы нужны были только такіе улучшения, не существовало бы нищеты въ Европѣ*“ (курсивъ нашъ). Но возможенъ иной случай. Возможно, что для осушенія участка потребуется прорыть большой каналъ, который поглотитъ годичный трудъ 200 человѣкъ. На ихъ наемъ потребуется 6,000 четвертей. Осушенный участокъ будетъ приносить ежегодно по 16 четвертей. Это составитъ немного больше одной четвертой части процента. „Каково бы ни было расположеніе націи къ бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило дѣятельное стремленіе къ накопленію, никогда не можетъ оно усилиться до того, чтобы прибыль въ одну четвертую часть процента стала казаться привлекательною для разсудительнаго человѣка“. Значитъ, улучшения не будутъ сдѣланы. А между тѣмъ, ихъ навѣрное сдѣлали бы, если бы общество само распоряжалось употребленіемъ въ дѣло своихъ производительныхъ силъ. Для него вопросъ о покрытіи дефицита есть вопросъ жизни и смерти.

Въ этомъ примѣрѣ очень много всякаго рода экономическихъ несообразностей. Мы не хотимъ останавливаться на нихъ. Читатель замѣтитъ ихъ и безъ нашей помощи, а если не замѣтитъ, — бѣда не велика: несообразности эти только лишній разъ показали бы несостоятельность „гипотетическаго“ метода Чернышевскаго, а она и безъ того очевидна†). Мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь

*) „Для простоты гипотезы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія отрасли производства и всѣ другіе элементы рабочей платы, кромѣ земледѣлія и хлѣба“, замѣчаетъ авторъ.

†) На всякій случай, вотъ одна изъ несообразностей.

По предположенію Чернышевскаго подлежащій улучшенію участокъ занимаетъ 4 десятины. Одна десятинна будетъ, поэтому, въ среднемъ приносить 4 четверти.

на слѣдующее обстоятельство. Въ разбираемомъ примѣрѣ каждый земледѣлецъ производитъ первоначально 40 четвертей хлѣба. Осушенный участокъ приноситъ только 16. Авторъ не говоритъ, сколько труда понадобится для его обработки (обработка совершенно упускается имъ изъ виду). Но принимая во вниманіе, что участокъ занимаетъ 4 десятины, надо думать, что для его воздѣлыванія понадобится количество труда, по крайней мѣрѣ, равное годовичному труду одного работника. Но положимъ даже, что каждый работникъ въ состояніи обработать 8 десятинъ, и что, слѣдовательно, на обработку участка необходимо затратить лишь половину годовичнаго труда одного человѣка. Все-таки производительность труда на этомъ участкѣ значительно ниже, чѣмъ на старыхъ участкахъ : тамъ полугодичный трудъ работника производитъ 20 четвертей. Это, во-первыхъ, доказываетъ, что именно только въ случаѣ пониженія производительности труда капиталистическій строй могъ, по мнѣнію Чернышевскаго, оказаться препятствіемъ для употребленія въ дѣло производительныхъ силъ. Во-вторыхъ, это проливаетъ новый свѣтъ на знаменитое математическое опроверженіе Мальтуса.

Въ своемъ примѣрѣ Чернышевскій указываетъ, какое число жителей имѣетъ его воображаемое общество и даже говоритъ, какъ великъ процентъ размноженія его населенія. Въ этомъ, повидимому, нѣтъ никакой надобности. Чтобы доказать свою мысль, онъ могъ бы ограничиться указаніемъ того, до какой степени упадетъ производительность труда на новомъ участкѣ. Но ему нужно было опредѣлить „процентъ улучшеній“, необходимыхъ для покрытія дефицита, обнаружившагося во второмъ году. „По Мальтусовой теоремѣ“ этотъ процентъ оказывается равнымъ 0,0385 или, какъ предполагаетъ Чернышевскій „для легкости счета“,—0,04. Читатель знаетъ, что нельзя опредѣлить этотъ процентъ, не опредѣливъ предварительно того, какъ понизится производительность земледѣльческаго труда. *Мальтусова теорема* именно и помогаетъ Чернышевскому найти эту неизвѣстную величину: процентъ ослабленія производительности труда новыхъ работниковъ равенъ проценту размноженія, то есть 2. Относительно этого можно предположить одно изъ двухъ : 1) это вѣрно, 2) это не вѣрно. Чернышевскій сказалъ бы, конечно, что это совершенно вѣрно. Положимъ, что онъ правъ. Что же выходитъ? Процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ. Цифра, его выражающая, „явно смѣется надъ нами“ своею ничтожностью; она говоритъ намъ: „не бойтесь, кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы меня, опровергнуть меня нельзя“. Мы вѣримъ цифрѣ, у насъ

Осушенный участокъ не станетъ же давать жатву безъ обработки. Чтобы воздѣлать его, понадобится, положимъ, годовичный трудъ одного человѣка. Часть продукта этого труда пойдетъ работнику въ видѣ заработной платы, другая составитъ прибавочную стоимость. Спрашивается, какъ велика будетъ она? Она будетъ равна тому, что останется отъ продукта за вычетомъ рабочей платы. Рабочая плата, по предположенію Чернышевскаго, доходитъ до 30 четвертей. Значитъ, на прибавочную стоимость останется ~~минусъ~~ 14 четвертей. Но отрицательная прибавочная стоимость не даетъ возможности уплатить хотя бы одну четверть процента на затраченный прежде основной капиталъ.

исчезаютъ всякія опасенія на счетъ будущаго. Но когда рѣчь заходитъ объ исполненіи ничтожнѣйшихъ по своимъ размѣрамъ улучшеній, оказывается, что мы, по извѣстному нѣмецкому выраженію, считали безъ хозяина. Оказывается, что въ дѣлѣ исполненія этихъ улучшеній возможны очень различныя „случаи“. Возможно, что потребуется затратить огромный трудъ для полученія сравнительно ничтожнаго „дохода“. Значитъ, величина процента необходимыхъ улучшеній еще *ровно ни за что не ручается*. Даже въ „гипотетической“ дѣйствительности Чернышевскаго эта ничтожная величина можетъ уживаться съ огромнѣйшими практическими затрудненіями, съ чрезвычайно большимъ пониженіемъ производительности труда на участкѣ, который долженъ покрыть нашъ дефицитъ. Извольте, послѣ этого, вѣрить *насмѣливой цифрѣ!*

V.

Послѣ всего сказаннаго надо ожидать, что истинная причина кризисовъ должна была остаться непонятной для Чернышевскаго. Такъ оно и есть въ дѣйствительности.

Какъ объяснить кризисы, эти „экономическія землетрясенія, ломающія фирмы, разрушающія фабрики, оставляющія безъ куска хлѣба тысячи бывшихъ богачей и миллионы работниковъ“?

Чернышевскій приводитъ краткое извлеченіе изъ отдѣла, посвященнаго кризисамъ у Милля. Изъ этого извлеченія явствуетъ, что причина кризисовъ лежитъ въ „закупкахъ на спекуляцію“ или просто въ спекуляціи. Соображенія Милля кажутся Чернышевскому достаточными для опроверженія того взгляда, по которому кризисы приписываются излишнимъ выпускомъ кредитныхъ бумагъ. „Связь коммерческихъ кризисовъ съ кредитными бумагами въ существѣ дѣла только та, что быстрый ходъ закупокъ въ огромномъ размѣрѣ возможенъ конечно только при высокомъ развитіи экономической жизни, основанной на обмѣнѣ, а при такомъ развитіи экономической жизни непременно существуетъ и высокое развитіе кредита, а въ числѣ другихъ его формъ — и высокое развитіе такъ называемыхъ кредитныхъ бумагъ“ *). Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взглядъ Милля правиленъ. „Дѣло въ томъ, что Милль останавливается только на одной коммерческой сторонѣ процесса, не считая нужнымъ упомянуть о его вліяніи на производство и потребленіе“ †). Съ кризисами „связанъ вопросъ о такъ называемомъ излишкѣ снабженія“. Милль лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы показать, вопреки Мальтусу, Чомерсу и Сисмонди, невозможность подобнаго излишка. По его словамъ, „заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла болѣе

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго, т. IV, стр. 289—290.

†) Тамъ же, стр. 296.

всего принадлежит двумъ знаменитымъ людямъ : на континентѣ проищательному Ж. Б. Сэю, а въ Англии Джемсу Миллю“. — „Все, что говоритъ Милль — чистая правда“, замѣчаетъ Чернышевскій. Но неужели такіе люди, какъ Сисмонди и Мальтусъ, не умѣли понимать того, что называется коммерческимъ кризисомъ? Они дошли до мысли рѣшительно ошибочной, и когда, для отвращенія бѣдствій коммерческихъ кризисовъ, они упрашиваютъ богачей увеличивать непродоводительное потребленіе, они доходятъ до нелѣпости, изумляющей своею колоссальностью. Неужели они могли бы избавиться отъ своего страннаго заблужденія такимъ простымъ соображеніемъ, какъ мысль о происхожденіи коммерческаго кризиса изъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ? Но вѣдь это соображеніе навѣрное было имъ очень хорошо знакомо. Какъ же могли удержаться въ такихъ головахъ такіа нелѣпости, какія опровергаются Миллемъ?“ Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди просто смотрѣли на вопросъ не съ той стороны, съ какой смотритъ Милль. Истинный ходъ явленія, называемаго кризисомъ, таковъ : „Въ первой половинѣ дѣла, когда цѣны растутъ, производители, надѣясь на чрезвычайно выгодный и легкій сбытъ, усиливаютъ свою дѣятельность точно такимъ же необычайнымъ образомъ, какъ усиливаются закупки. Въ два, три мѣсяца фабрики изготовляютъ столько товаровъ, сколько изготовляется при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ въ полгода. Но вѣдь сбытъ усиливается возрастаніемъ только спекулятивныхъ закупокъ, а не самого потребленія; оно, напротивъ, быть можетъ, даже уменьшается по чрезмѣрной дороговизнѣ. Что же бываетъ съ производствомъ, когда цѣны начинаютъ падать? — Въ предшествующій періодъ заготовлено товаровъ въ три мѣсяца на полгода; ясно, что производство должно было бы остановиться на три мѣсяца, чтобы запасы уменьшены были до обыкновеннаго размѣра обыкновеннымъ потребленіемъ. Но потребленіе въ эпоху кризиса, не смотря на унадокъ цѣнъ, бываетъ меньше обыкновеннаго, потому что у всѣхъ разстроены денежныя дѣла. Отъ этого чрезмѣрные запасы еще дольше остаются непотребленными. А пока они не потреблены, не уменьшились до обыкновеннаго размѣра, новое производство не находитъ себѣ сбыта. — Такимъ образомъ, съ коммерческимъ кризисомъ всегда бываетъ соединенъ промышленный, во время котораго ослабѣваетъ производство, по излишеству сдѣланныхъ запасовъ и недостатку сбыта. Вотъ эту сторону дѣла и были смущены Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди. — Милль совершенно правъ, доказывая противъ нихъ, что производство не можетъ превышать потребностей человѣка*), что капиталъ... не можетъ возрасти слишкомъ быстро, что съ какою быстротою ни возрасталъ бы онъ, всегда можно было бы желать еще быстрѣйшаго возрастанія, потому что всегда нашлось бы ему нужное занятіе и т. д., — все это совершенная правда, и въ словахъ Мальтуса, Чомерса, Сисмонди находится противорѣчіе съ неопровержимыми принципами экономической теоріи.

---

*) Надо замѣтить, что Милль вовсе не думалъ доказывать это. Онъ доказывалъ, что производство не можетъ превышать потребностей *товаропроизводцевъ*, а это не одно и то же.

Но это противорѣчіе произошло только отъ того, что Сисмонди и Мальтусъ остановились на половинѣ пути, не донскались до коренныхъ фактовъ, порождающихъ въ самой дѣйствительности противорѣчіе съ экономической теоріею... Въ концѣ концовъ Чернышевскій находитъ, что „производство, которое никогда не можетъ превышать размѣра человѣческихъ потребностей, можетъ повременамъ превышать обычный уровень потребления, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго усилія, вызываемаго не развитіемъ потребления, а только спекуляціею, бываетъ временный упадокъ производства, оставая работъ. Корень этого бѣдствія заключается въ отдѣленіи покупательной силы отъ производства и потребления, то есть ни меньше, ни больше какъ то, что называется у насъ торговлею въ отдѣльности отъ занятій, чисто производительныхъ“†).

Чтобы доказать несостоятельность Мальтусовой теоріи народонаселенія, слѣдовало прежде всего указать на то, что по Мальтусу буржуазное общество одновременно страдаетъ и отъ перепроизводства и отъ перенаселенія. Подобное опроверженіе было бы, какъ выражаются математики, *необходимымъ и достаточнымъ*. Чернышевскій предпочелъ бороться другимъ оружіемъ, достоинство котораго намъ уже извѣстно. Ему и въ голову не приходитъ, что „вопросъ объ излишкѣ снабженія“ можетъ служить для „разъясненія смысла Мальтусовой теоріи“. Онъ склоненъ даже хвалить Мальтуса, который хотя и остановился на половинѣ пути въ вопросѣ объ „излишкѣ снабженія“, но все таки выбралъ вѣрную дорогу для его рѣшенія. Самое же рѣшеніе вопроса выражается немногими словами: *корень бѣдствія въ торговль*. Здѣсь мы имѣемъ интересный образчикъ отношенія социалиста-утописта ко взглядамъ буржуазнаго политико-эконома „передовой“ школы. Корень зла въ спекуляціи, говоритъ Д. С. Милль. Вы волюнѣ правы, замѣчаетъ социалистъ-утопистъ. Но вы не дѣлаете надлежащаго вывода изъ вашихъ собственныхъ посылокъ. Я иду дальше васъ, я не боюсь поставить точку надъ і. Корень зла не въ спекуляціи, а въ томъ, отъ чего получаетъ происхожденіе сама спекуляція, т. е. въ торговлѣ. Буржуазные экономисты, вообще говоря, совершенно правы. Они лишь робки и непослѣдовательны.

Корень бѣдствія въ торговлѣ. Безъ торговли немислимо товарное производство. Слѣдовательно, корень бѣдствія уходитъ еще глубже: онъ неразрывно связывается съ товарнымъ производствомъ. Но товарное производство долго существовало, не причиняя кризисовъ. Значитъ, не товарное производство причиняетъ кризисы, а нѣчто другое, можетъ быть и связанное съ этимъ производствомъ, но обнаруживающееся лишь на очень высокой стадіи его развитія. Указаніе на истинную причину кризисовъ заключается уже въ собственныхъ словахъ Чернышевскаго. Спекуляція даетъ такой толчокъ производству, что въ два-три мѣсяца заготавливается количество товаровъ, достаточное для полугодоваго потребления. Въ дѣйствительности производство можетъ еще дальше оставить за собою потребление, чѣмъ ду-

---

†) Тамъ же, стр. 289—296.

малъ Чернышевскій. Вотъ теперь и спрашивается, всегда ли существовала при товарномъ производствѣ возможность подобнаго явленія? Извѣстно, что не всегда, что она создана лишь разбитіемъ новѣйшей крупной промышленности, увеличившей производительныя силы общества до небывалыхъ размѣровъ. Слѣдовательно, „корень бѣдствія“ заключается въ крупной промышленности, въ слишкомъ значительномъ развитіи производительныхъ силъ? Очевидно—да. Но такъ же очевидно, что высокое развитіе производительныхъ силъ зломъ быть не можетъ. Утверждать это—значило бы говорить сущую бессмыслицу. Выходитъ, что надо обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ примѣняются теперь высоко-развитыя производительныя силы. Мы знаемъ уже, что между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, прекращающій свою „работу“ всякій разъ, когда она не сулитъ ему необходимыхъ и достаточныхъ барышей. А надежда на барыши исчезаетъ всякій разъ, когда рынки переполняются товарами. А рынки тѣмъ чаще и тѣмъ больше переполняются товарами, чѣмъ болѣе развиты производительныя силы. Капиталистъ попадаетъ въ нелѣпое, противорѣчивое положеніе: съ одной стороны, конкуренція заставляетъ его примѣнять возможно болѣе совершенные способы производства; а съ другой стороны, примѣненіе этихъ способовъ грозитъ переполненіемъ рынковъ, кризисомъ, потерей барышей, разореніемъ. Это противорѣчіе показываетъ, что производительныя силы переросли капиталистическія отношенія производства. Устраненіе этихъ отношеній является важнѣйшимъ „очереднымъ вопросомъ“ переживаемаго нами историческаго момента. Когда совершится предстоящая теперь революція, когда капиталистическія отношенія производства уступятъ мѣсто социалистическимъ, тогда высоко-развитыя производительныя силы перестанутъ причинять „экономическія землетрясенія“, онѣ будутъ покорными рабами людей, источникомъ непрерывнаго роста общественнаго богатства.

Противорѣчіе современныхъ производительныхъ силъ съ современными отношеніями производства есть противорѣчіе, свойственное современной экономической дѣйствительности. Чернышевскій ищетъ „корня бѣдствія“ въ противорѣчій дѣйствительности „съ непровержимыми принципами экономической теоріи“. Это весьма характерно для его отвлеченной точки зрѣнія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, легко можно было открыть множество противорѣчій фактовъ съ „теоріей“, дѣйствительности съ требованіями разсудка. Но противорѣчіе дѣйствительности съ „теоріей“, т. е. со взглядами людей, само является продуктомъ исторической діалектики общественной жизни. Надо открыть законы этой діалектики для того, чтобы имѣть возможность не только осудить дѣйствительность, но также указать историческія условія ея возникновенія въ прошломъ и ея исчезновенія въ будущемъ. Къ сожалѣнію, именно это-то и невозможно было для человека, смотрѣвшаго на общественную жизнь съ отвлеченной точки зрѣнія. Въ качествѣ теоретика, такой человекъ могъ только ловить дѣйствительность на противорѣчійхъ съ теоріей; въ качествѣ практическаго дѣятеля, революціонера, стремящагося устранить ненавистную ему дѣйствительность, онъ могъ возлагать свои упованія

исключительно только на *убедительность теории*, которая рано или поздно покажетъ людямъ всю гнусность и *нелѣпность дѣйствительности*.

VI.

Вотъ какъ формулируетъ самъ Чернышевскій въ немногихъ словахъ тѣ принципы, которые должны лечь въ основѣ будущаго общественнаго устройства. Они состоятъ „въ томъ, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; что человѣкъ работаетъ съ полною успѣшностью лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другого; что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина; что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуютъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физиологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества“.

Какимъ же путемъ могутъ быть осуществлены эти принципы? Чернышевскій очень сожалѣлъ, что не удалось ему указать тѣ переходныя ступени, которыя приведутъ къ полному осуществленію социалистическихъ идей. Это дѣйствительно очень жаль; не потому чтобы эти мѣры могли имѣть теперь какое нибудь практическое значеніе, а потому, что онѣ дали бы намъ болѣе ясное представленіе о социально-политическихъ взглядахъ Чернышевскаго. Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ съ помощью отдѣльныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ на страницахъ „Очерковъ Политической Экономіи“. Къ сожалѣнію, ихъ очень немного.

Въ то время, когда писалъ Чернышевскій, въ глазахъ людей, не стоявшихъ на точкѣ зрѣнія научнаго социализма (а такихъ было мало), имѣлъ еще большую важность вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ дѣло рѣшенія такъ называемаго социальнаго вопроса. Чернышевскій очень горячо и съ огромнымъ успѣхомъ опровергалъ буржуазный принципъ: „laissez faire, laissez passer“. Но, разбивая *этотъ* принципъ, онъ не безусловно держался противоположнаго: онъ не утверждалъ, что социальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ помимо государственнаго вмѣшательства или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ очень остороженъ въ опредѣленіи границъ этого вмѣшательства. „Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ — говоритъ онъ въ своемъ главномъ экономическомъ сочиненіи*). Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ

---

*) Сочиненія, т. 4. стр. 101.

свободнымъ дѣйствиємъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть ясно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучший, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить челоуѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство общественной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы.... Но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ нравы въ родѣ англійскихъ и сѣверно-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ....“†)

Но страны, какъ Англія и Сѣверная Америка, Чернышевскій считалъ исключеніями. Какъ это по всему видно, онъ былъ убѣжденъ, что рѣшеніе соціального вопроса „частнымъ образомъ“ невозможно въ большинствѣ европейскихъ странъ. Есть основанія думать, что и само государственное вмѣшательство въ этихъ странахъ представлялась ему въ видѣ вмѣшательства *революціоннаго* правительства. На это предположеніе наводятъ нерѣдкія у него отступленія, гдѣ онъ старается рѣшить, насколько требованія здравой теоріи обязательны для правительства, поставленнаго исторіей въ необходимость исключительно руководствоваться принципомъ: *salus populi lex suprema est*. Вотъ, напримѣръ, теорія безусловно осуждаетъ чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ. По теоріи выходитъ, что лучше прямое, откровенное рѣшеніе вопроса — налогъ. Такъ и должно поступать правительство, чувствующее себя прочнымъ. Но бываютъ исключительныя положенія, бываютъ исключительныя событія, въ родѣ событій 1848 г. во Франціи*). „Въ такомъ шаткомъ положеніи приходится лавировать, сообразоваться съ господствующими предубѣжденіями, принимать не тотъ способъ дѣйствія, который самъ по себѣ наилучшій, а тотъ, который произведетъ наименѣе тяжелое впечатлѣніе на общество... Что дѣлать? Тутъ задача исполняется не такими людьми, которые спокойно могутъ разсчитывать на свою будущность, а такими, жизнь которыхъ виситъ на волоскѣ, и волоскѣ этотъ оборвется, непременно оборвется, не нынѣ завтра оборвется, и погибнетъ съ ними ихъ дѣло, если волосокъ оборвется нынѣ, — во что бы то ни стало надобно продержаться нынѣшній день, чтобы умѣть хотя что нибудь сдѣлать. — Да, представьте себѣ это положеніе, ”

†) Не мѣшаетъ вспомнить, какое направленіе принимаютъ теперь требованія англійскихъ ремесленныхъ союзовъ.

*) Надо помнить, что Чернышевскій писалъ въ подцензурномъ изданіи и потому часто долженъ былъ выражаться намеками.

вы поймете мысль о неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для произведенія коренныхъ реформъ экономического быта.“

Выпускъ бумажныхъ денегъ предполагается здѣсь необходимымъ въ видахъ организаціи рабочихъ товариществъ : „разумѣется, разъ начавшись, дѣло будетъ развиваться собственными средствами; — но чтобы завести его, чтобы дать ему возможность начаться, все таки нужно очень много денегъ“.)

Замѣчательно что у Чернышевскаго его воображаемое революціонное правительство, начиная коренное „измѣненіе экономического быта въ пользу работниковъ и въ невыгоду капиталистовъ“, старается не запугать „общество“, т. е. этихъ же капиталистовъ, не произвести на нихъ „тяжелого впечатлѣнія“. Это нѣсколько странно. Намъ теперь кажется, что когда революціонный пролетаріатъ захватитъ политическую власть въ свои руки, ему трудно будетъ предохранить гг. капиталистовъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній. Но представленія Чернышевскаго о социалистической революціи были очень непохожи на наши нынѣшнія представленія о ней. Это особенно ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его о *прогрессивномъ налогѣ*.

„Мы приводили основанія, по которымъ нѣкоторые экономисты находятъ наилучшимъ порядкомъ такой бытъ, который существенно разнится отъ нынѣшняго ; содѣйствовать введенію этого лучшаго быта можно *не нарушая замѣтнымъ образомъ никакихъ существенныхъ интересовъ*; а прогрессивный налогъ значительнаго размѣра былъ бы явно противоположенъ интересу богатыхъ сословій, которыя всѣми силами боролись бы противъ него, между тѣмъ какъ прочное и благоразумное правительство могло бы, *нисколько не раздражая ихъ, вести дѣло коренной реформы быта*“.)

Однѣ эти строки могли бы убѣдить насъ, что въ лицѣ Чернышевскаго мы имѣемъ дѣло съ *социалистомъ-утопистомъ*.

Утапическая точка зрѣнія на общественную жизнь — такова Ахиллесова пята нашего автора. Изъ этого общаго источника истекаютъ всѣ тѣ многочисленныя промахи и всѣ тѣ немалочисленныя ошибки, съ которыми мы встрѣтились въ его изслѣдованіяхъ. Чернышевскій часто ошибался, потому что, рассуждая о буржуазномъ обществѣ, онъ искалъ основаній для своихъ выводовъ не въ *дѣйствительной жизни этого общества, а въ требованіяхъ здоровой теоріи*“. Въ основѣ этихъ требованій лежали, — какъ видѣлъ читатель, — ученія тѣхъ же буржуазныхъ экономистовъ, противъ которыхъ спорилъ Чернышевскій. Но онъ видоизмѣнялъ и дополнял эти ученія, руководясь размышленіями объ экономической жизни воображаемаго социалистическаго общества съ населеніемъ отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Примѣрныя арифметическія выкладки — счетоводство воображаемаго общества — составляли всю сущность его „*гипотетическаго*“ метода. Съ помощью такихъ приемовъ нельзя было сдѣлать что нибудь прочное въ наукѣ. Чернышевскій

†) Т. 4, стр. 284—287.

*) Т. 4, стр. 404.

едва ли не больше всѣхъ социалистовъ-утопистовъ занимался политической экономіей. И его примѣръ лучше всякаго другого показываетъ несостоятельность утопической точки зрѣнія.

Таковъ нашъ окончательный выводъ. Мы не находили нужнымъ скрывать его и не считали возможнымъ высказывать его голословно. Намъ приходилось, поэтому, шагъ за шагомъ слѣдовать за нашимъ авторомъ въ его изслѣдованіяхъ. Намъ часто приходилось оспаривать его; иногда у насъ вырывалось, можетъ быть, слово раздраженія. Пусть не ставятъ намъ этого въ виду многочисленные почитатели Чернышевскаго. Мы сами принадлежимъ къ ихъ числу, мы сами свято чтимъ память этого знаменитаго человѣка, много сдѣлавшаго для русской литературы и честно постоявшаго до конца за свои убѣжденія. Мы ставимъ его имя рядомъ съ именемъ Бѣлинскаго. И мы тѣмъ менѣе склонны ууменьшать его литературныя заслуги въ виду его теоретическихъ ошибокъ, что, по нашему мнѣнію, онъ и не задавался цѣлями серьезнаго научнаго изслѣдованія. Онъ былъ образованнымъ, убѣжденнымъ и талантливымъ публицистомъ, которому надо было обратить на социальный вопросъ вниманіе читающей публики, надо было предохранить эту публику отъ развращающаго вліянія апологетовъ буржуазнаго порядка. И эта благородная цѣль его была вполне достигнута. Всѣ свѣжіе, всѣ живые элементы читающей публики испытали на себѣ его благотворное вліяніе. Много содѣйствовала его страстная, подчасъ ѣдкая проповѣдь возникновенію того демократическаго теченія въ нашей литературѣ, которому мы обязаны своимъ знаніемъ русской народной жизни; много содѣйствовала она возникновенію русскаго революціоннаго движенія. Онъ часто ошибался, когда судилъ объ экономическихъ законахъ буржуазнаго общества. Но онъ не ошибался въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ этому обществу; онъ не ошибался, призывая своихъ читателей работать для освобожденія пролетаріата. Пролетаріатъ не забудетъ этой заслуги Чернышевскаго.

Но все хорошо въ свое время. Утопическая точка зрѣнія, много вредившая Чернышевскому въ теоріи, не помѣшала ему принести огромную пользу своимъ современникамъ. Теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ появилось его „Очерки Политической Экономіи“, обстоятельства измѣнились. Теперь *очень вредной, не только въ теоріи, но и на практикѣ* оказывается та утопическая точка зрѣнія на общественную жизнь, которой все еще продолжаетъ держаться, по старой памяти, русская революціонная „интеллигенція“. Теперь эта точка зрѣнія мѣшаетъ ей приобрѣсти политическое вліяніе въ странѣ и покончить съ главнымъ врагомъ всего народа русскаго — съ *царизмомъ*. Теперь мы *должны* оставить эту точку зрѣнія; теперь мы *можемъ* оставить ее.

Въ исторіи русской литературы замѣчается слѣдующее интересное явленіе, на которое мы уже обращали вниманіе русскихъ социалистовъ. Пока наши передовые писатели имѣли дѣло преимущественно съ литературными идеями, какъ это было въ сороковыхъ годахъ, они не отставали отъ движенія западно-европейской мысли. Критическія статьи Бѣлинскаго смѣло могутъ быть поставлены ря-

домъ со статьями любого изъ современныхъ ему западныхъ критиковъ. Но едва дѣло коснулось социальныхъ идей, наши передовые писатели немедленно оказались отсталыми. Главное экономическое сочиненіе Чернышевскаго кажется написаннымъ лѣтъ на двадцать раньше книги Энгельса *о положеніи рабочаго класса въ Англии* и „*Нищеты философіи*“ Маркса. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ дѣло идетъ еще дальше. Наши народники отстали отъ западно-европейскихъ социаль-демократовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пятьдесятъ. Это странное на первый взглядъ явленіе объясняется просто на просто отсталостью русской жизни. Извѣстно, что ходъ идей опредѣляется ходомъ вещей: отсталому экономическому порядку соотвѣтствуютъ отсталые социаль-политическіе взгляды. Въ теченіе послѣдняго полувѣка западно-европейская жизнь ушла далеко впередъ. Россія двигалась гораздо медленнѣе; поэтому разстояніе между нею и Западной Европой все болѣе и болѣе увеличивалось; поэтому же все болѣе и болѣе отсталыми оказывались идеи, господствующія въ русскихъ передовыхъ кругахъ. Но быстрое развитіе западно-европейской экономической жизни не осталось безъ вліянія и на Россію. Ея старыя экономическія порядки рухнули, капитализмъ восторжествовалъ въ ней по всей линіи. Этимъ новымъ экономическимъ отношеніямъ должны соотвѣтствовать новыя социаль-политическія идеи. И онѣ *непрѣменно явятся. Онѣ уже являются.* Но, „пока что“, старыя идеи продолжаютъ отстаивать свое существованіе, производя на cadaго свѣжаго челоуѣка впечатлѣніе чего-то совершенно допотопнаго.

Наши допотопныя социаль-политическія идеи представляютъ собою законное дѣтище утопическаго взгляда на общественную жизнь, дѣтище, правда, сильно зараженное въ семидесятыхъ годахъ специфическимъ „русскимъ духомъ“. Содѣйствовать распространенію новыхъ идей можно лишь содѣйствуя устраненію утопическаго взгляда. Вотъ почему мы считали нужнымъ подробно рассмотреть ученія замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ социалистовъ-утопистовъ. Мы хотѣли сказать нашимъ современнымъ утопистамъ: посмотрите, какъ неудобно, какъ невыгодно, какъ опасно держаться утопической точки зрѣнія; *самого Чернышевскаго* привела она къ вопіющимъ противорѣчіямъ и съ самимъ собою и съ экономической дѣйствительностью. Чего же ждать отъ *вашихъ* теоретическихъ усилій?

Г. Плехановъ.